

Андрей КуРЖОВ

**ПОСЛЕДНЯЯ
ЛЮБОВЬ
ПРЕЗИДЕНТА**

CF FOLIO

Андрей Курков

Последняя любовь президента

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4402345
Последняя любовь президента: Фолио; Харьков; 2007
ISBN 966-03-3641-1

Аннотация

«Последняя любовь президента» – почти детективная история, которая произошла с человеком, пришедшем на вершину власти и заплатившим за это своим сердцем в прямом и переносном смысле. У президента чужое сердце, более того, это сердце можно остановить в любую минуту. Кто за этим стоит и кому это выгодно? Что может спасти президента и вернуть ему способность чувствовать и любить?

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	12
5	14
6	16
7	19
8	23
9	24
10	28
11	30
12	32
13	35
14	37
15	41
16	43
17	45
18	49
19	51
20	55
21	57
22	62
23	66

24	68
25	71
26	74
27	76
28	81
29	85
30	87
31	89
32	94
33	98
34	104
35	107
36	109
37	112
38	117
39	121
40	124
41	128
42	131
43	135
44	138
45	144
46	149
47	153
48	159
49	161

50	166
51	169
52	174
53	179
54	182
55	186
56	189
57	195
58	199
59	203
60	208
Конец ознакомительного фрагмента.	210

Андрей Курков

Последняя любовь президента

1

Киев. Май 1975 года. Воскресенье. Ночь.

В воздухе – смесь запахов цветущих акаций и каштанов. Мне четырнадцать лет. Я возвращаюсь пешком с легкой пьянки, из центра. Иду по совершенно безлюдной дороге. Улица Туполева. Слева – авиазавод, справа – забор овощной фабрики. За забором – легкое зарево искусственного рассеянного света: в теплицах не дают спать ранним огурцам и помидорам. Издалека слышны шаги человека. И мои шаги тоже. Я подстраиваю свой ритм под ритм чужих шагов. Я иду шаг в шаг с кем-то, идущим мне навстречу. Потом вижу его. Он идет по другой стороне дороги – мы соблюдаем традицию правостороннего движения (хотя я еще не знаю, что существует левостороннее). «Откуда идешь?» – кричу я своему, похоже, ровеснику. «С Блюхера на Святошино!» – отвечает он. «А я с Саксаганского на Туполева!» Потом мы кричим друг другу: «Удачи!» И проходим мимо. Расстояние между нами начинает увеличиваться. Я сбился с ритма его

шагов, постепенно его шаги затихли, как затих в моем теле недавно выпитый портвейн. Справа появился наш местный «то-ли-парк-то-ли-сад», за которым начинаются шахматные ряды «хрущевок». Первый ряд – это «шестнадцатые» дома, я живу во втором доме второго ряда. Восемнадцать-А. На пятом этаже. У меня в кармане ключ, которым я должен очень тихо открыть дверь. Но, уже свернув во двор, я вижу, что у нас на кухне горит свет. Меня ждут... Будет десять минут скандала. Потом все затихнет. И наступит понедельник.

2

Киев. Май 2015 года. Понедельник.

Веснушки появились на моем теле совершенно неожиданно. Через месяц после операции. Сначала на груди, потом поднялись до плеч и покрыли предплечья. Постепенно они обрыжили все мое тело, даже тыльные стороны ладоней и пальцы. Дерматолог только пожал плечами. Сказал, что на лишай это не похоже. Скорее всего, сказал, это связано с генетикой.

– Господин президент, у вас в роду были веснушчатые? – спросил он.

– У нас в роду были инсульты, инфаркты и рак молочной железы, – сказал я. – Не было близнецов и туберкулеза. О веснушках я не знаю.

Тем не менее, я просмотрел все семейные фотографии, лежавшие в двух старых кожаных портфелях на антресолях. Вкус антресольной пыли до сих пор ощущается у меня на языке. А на черно-белых снимках я не увидел ни одного явно веснушчатого лица. Зато оживил в своей памяти лица сестер, братьев, дядьев и теток.

Профессор-онколог, которого мне вызвали на следующий день, отверг идею рака кожи.

– Рак – явление очаговое, а вы покрыты веснушками с ног до головы. Не беспокойтесь. Вы же видите, как меняется

климат. Глобальное потепление... Тут могут быть десятки причин, но кожа у вас – здоровая. А что это за шрам? Операция на сердце?

Шрам стал моим слабым местом. Сразу после операции. Когда я его пристально рассматривал в зеркале, то заметил, что именно линия шрама была эпицентром моих веснушек. Собственно, линия была одной сплошной вытянутой тонкой веснушкой. Хотя это и звучит странно, ведь веснушка – это точка, а точка вытянутой быть не может.

Киев. Март 2015 года.

Я очнулся после операции ранним утром. В двухкомнатной палате-люкс кровать стояла прямо под широким окном, выходящим на восток. Я открыл глаза и тут же зажмурил их. И услышал пение птиц. Не нынешнее, а словно из прошлого. Раньше птицы пели по-другому. Задорнее, что ли. Знаете разницу между звучанием компакт-диска и пластинки на 78 оборотов, поцарапанной и залитой чаем или пивом? Пластинка звучит «грязно», но правдивее. Вот и птицы раньше пели правдивее, а теперь я им не верил. Как не верил телевизору, сообщавшему, что я просто простудился и поэтому мой визит в Малайзию перенесен на июнь.

– Птицы плохо поют, – сказал я помощнику, дежурившему на стуле возле двери.

Его рука потянулась к тумбочке с телефоном. Но тут он еще разок с опаской оглянулся на меня. Кивнул и вышел. Через пять минут я услышал за окном негромкую возню. Помощник вернулся и попросил потерпеть еще минут десять.

Через десять минут возня действительно прекратилась, а еще через несколько мгновений запели птицы. И запели они действительно хорошо. Радостнее и оптимистичнее.

Впрочем, мне это было уже не важно. Я поинтересовался у помощника: как им удалось улучшить пение птиц. «Поста-

вили под вашим окном три кормушки с витаминизированным кормом».

Это утро под окном, выходящим на восточную сторону, один в один повторило другое утро – 1965 года, когда я точно так же зажмурился. И птицы теперь за окном пели так же радостно. Тогда я проснулся четырехлетним ребенком, а сейчас мне пятьдесят четыре. Я капитально отремонтирован лучшими хирургами. За дверью моей палаты дежурит охрана. Мои врачи пишут отчеты о состоянии моего здоровья. Мои помощники пользуются моим отсутствием, чтобы пропихнуть своих друзей поближе к бюджетным деньгам. Но мне не хочется об этом думать. Я прокручиваю в памяти пение птиц 1965 года и сравниваю с теми трелями, которые слышны за окном сейчас. Веснушки еще впереди. Грудь стянута и словно зажата в тисках. Шов должен срастись. У него нет другого выхода.

Киев. Март 2015 года.

– Ну как самочувствие, больной? – Главврач наклоняется над моим лицом, и я с удивлением вижу на нагрудном карманчике его белоснежного халата вручную вышитый голубой тризуб.

Главврачу не больше пятидесяти, но густые седые волосы, зачесанные волной набок, придают его облику патриаршее величие.

– Вот, возьмите, пожалуйста. – Он вытаскивает из кармана халата конфету «Ферреро Роше» и протягивает мне.

Я заглядываю ему за спину – никого нет. Странный жест!

– А с какой стати вы предлагаете мне это? – спрашиваю я стальным голосом.

– Это всем. – Он делает полшага назад. – На этом этаже при обходе каждому положено по конфете. – И он, чтобы подтвердить правоту своих слов, достает из другого кармана халата пригоршню круглых конфеток. Сразу прячет их назад. – Все это входит в стоимость курса лечения... Или, может, вы спрашиваете, почему не отечественные конфеты?

– Нет. – Я уже успокоился и протягиваю руку, чтобы получить положенное. – Давайте!

– Если вы не против, мы можем вам разрешить принимать посетителей. Начиная с сегодняшнего вечера. Но не больше

двух часов в день.

– Может, еще рано? – с легкой надеждой спрашиваю я.

– По правде говоря, рано, но ваш глава администрации мне угрожает. Если можете, скажите ему сами!

Я вздохнул.

– Ладно, будем принимать. – Я оборачиваюсь к помощнику. – Список посетителей уже у тебя?

Он кивает.

Киев. Май 1977 года.

Самым удивительным подарком на мое шестнадцатилетие оказался выжиматель для угрей. Его принесла Жанна. На самом деле в маникюрном наборе, привезенном ее отцом из Сирии, лежало два таких выжимателя: для крупных угрей и для мелких. Для крупных она оставила себе. Позже она показывала мне этот набор – десяток хромированных инструментиков с перламутровыми ручками. Для удаления забившейся под ногти грязи, для отжимания и мягкого обрезания заусениц и прочее. А вот назначение двух инструментиков, похожих на миниатюрные ложечки с аккуратной дырочкой посередине, она поначалу понять не смогла. Но инструкция на арабском сопровождалась рисунками. И все мгновенно стало ей ясно. У нее были большие угри на лбу, а у меня маленькие на носу. На носу я и опробовал ее подарок. За столом как раз пили за мое здоровье, а я, закрывшись в ванной комнате, нос к носу со своим зеркальным отражением, подносил выжиматель дырочкой к очередному угрю и вдавливал маленькую ложечку в нос. Белый длинный угорь тотчас проходил сквозь аккуратную дырочку, словно нитка сквозь ушко иголки, и сворачивался малюсеньким ужом. Я сдвигал ложечку в сторону и подносил очередного побежденного врага к глазам, после чего вытирал его с ложечки кусочком

туалетной бумаги.

Когда я вернулся к столу, нос у меня был краснее морковки. Настроение равнялось выпитой бутылке красного шампанского. И самые теплые взгляды я дарил в этот вечер Жанне. А когда мои родители демонстративно ушли в кино, мы потушили свет, включили магнитофон и объявили белый танец. Конечно, меня пригласила Жанна. И с этого начались наши романтические встречи. Кстати, угри на ее лбу вскоре пропали. А я вышел из возраста полового созревания. Проще говоря, созрел.

Киев. Март 2015 года.

Первым посетителем, принятым мною в палате-люкс, оказался вице-премьер по гуманитарным вопросам. За полчаса до его появления в палату принесли два кожаных кресла. Мою «умную» кровать подкрутили так, что я мог в ней полусидеть. К ней прикрепили столешницу – чтобы было куда поставить стакан чая и положить бумагу с ручкой. Список посетителей я тоже получил за полчаса до начала официального приема. Пробежал его взглядом, вычисляя, чем расплачивались некоторые из предложенных посетителей, прежде чем их утвердил в списке глава администрации. На три фамилии у меня была устойчивая аллергия. Совершенно не хотелось заниматься вопросами сталелитейной промышленности. Эти фамилии я вычеркнул. И только потом обратил внимание, что в конце списка стояла незнакомая женская фамилия, а список замыкал сам глава администрации – Коля Львович.

«Ладно», – подумал я и кивнул помощнику, стоявшему у дверей в полном молчании и неподвижности.

Вице-премьер был человеком приятным, идеалистом в политике и прагматиком в личной жизни.

– Господин президент, – начал он, – надвигается катастрофа!

– Гуманитарная? – перебил я, стараясь перевести его с, видимо, заученной и отрепетированной речи на нормальный человеческий диалог.

– Что? – Он опешил.

– Катастрофа гуманитарная? – переспросил я.

Вице-премьер вздохнул.

– Да, – сказал он. – Вы же знаете – двадцатипятилетие независимости почти совпадает со столетием Октябрьской революции. У нас же до сих пор ни патриотизма, ни национального возрождения не наблюдается. Если мы не сделаем к юбилею независимости решительного и грандиозного в идеологическом смысле шага, то Россия нас с празднованием столетия революции задавит! Я принес предложения. – Он показал плотную папочку.

– Оставляй! – кивнул я.

– Я вам вкратце объясню...

– Очень кратко!

– Я разговаривал с высшим духовенством. Они согласны. Надо ввести торжественную церковную клятву на Библии на верность Родине. Понимаете – выдача паспортов совершеннолетним в церкви, в торжественной обстановке. Паспорта выдают священники. Под это будет написана особая молитва. Все на «державній мові»...

– Это ты со всеми церквями обсудил?

– Нет, только с Филаретом.

– А что же делать с крымскими татарами, католиками и

православными Московского патриархата?

– Так я вот... думал, под эту идею можно было бы признать Церковь Киевского патриархата государственной...

– Опять?! Ты сначала объедини все православные церкви, а потом будем дальше разговаривать!

– Но это же невозможно! – Глаза вице-премьера округлились и стали по-еврейски мудро-смиренно-печальными.

– Ищи новые пути! – посоветовал я и перевел взгляд на помощника.

Вице-премьер понял, что его время истекло.

– Напомни мне после приема об этих двух юбилеях, – приказал я помощнику, когда первый посетитель ушел.

Москва. Январь 2013 года.

На празднование четырехсотлетия династии Романовых ехали на двух скорых поездах. Первый по всей длине покрасили в цвета украинского флага, второй – в цвета российского. Когда проводили пробный прогон, я наблюдал из вертолета и не мог сдержать восторга. Два поезда, как два длинных флага, проехали двадцать километров, выдерживая дистанцию в триста метров. Еще в вертолете я подумал, что даже эффективнее было бы пустить их по параллельным путям, чтобы никто не мог меня обвинить в неуважении к Российской Федерации. Мол, почему российский поезд-флаг едет следом за украинским. Но враги на то и враги, чтобы быть в состоянии из любой ситуации высосать повод для провокации.

В официальную делегацию Украины взяли только самых крепких. Весь декабрь по вечерам тренировались в Конче-Заспе. Благодаря военному оцеплению тренировки делегации прошли незаметно для свободной прессы. Хотя без жертв не обошлось. Температура воды – плюс один, воздуха – минус десять. После третьей тренировки сначала слег в больницу, а потом и подал в отставку госсекретарь здравоохранения. (Я это сразу взял на заметку и решил ввести обязательную сдачу норм по зимнему плаванию для всех зани-

мающих высшие посты. Отличный повод для медицинского отсева амбициозного старья!) Остальные прошли курс «молодого моржа» более успешно. Сам я уже был «моржом» со стажем. Еще до вступления в предельную государственную должность. Будь моя воля, я бы взял в делегацию только членов Ассоциации любителей зимнего плавания, но, как и в старые советские времена, Ассоциация состояла из людей разумных, но ненавидящих политику и политиков. Теперь я их понимаю лучше.

Уже в Москве на Киевском вокзале после помпезной встречи помощник прошептал мне, что в дороге не обошлось без провокации: журналист «Нового Киевского Слова» заплатил машинисту и его охранникам, чтобы ехать в локомотиве российского поезда-флага. Напоил всех, сократил дистанцию до опасной и даже несколько раз погудел. В российской вечерней прессе эта ситуация обсуждалась как метафора российско-украинских отношений. Особенно подчеркивалось, что Украина своим экономическим и географическим положением тормозит путь России в Объединенную Европу. Хорошо хоть одна газета поместила комментарий украинского посла. Посол сказал только одну фразу. Зато какую! «Албания спокойно осталась в стороне от Объединенной Европы, находясь у нее в самой середине!»

«Ну, с Албанией он переборщил, – подумал я, просматривая прессу в гостевой резиденции в Барвихе, сидя у камина. – А вообще молодец! Надо будет наградить! Отбивать-

ся от всех нападков надо коротко, буквально одной фразой. Длинные объяснения никто не слушает!»

– Принеси виски! – приказал я помощнику.

– Там привезли церемониальную одежду. – Помощник, поднимаясь со стула, кивнул на дверь.

– И одежду принеси!

Портплед из коричневой бразильской кожи явно был подарком. Как и комплект церемониальной одежды для завтрашнего праздника.

Я представил себе завтрашние заголовки домашней националистической прессы. Да, Романовы угнетали украинский народ. Запрещали украинский язык. Но они строили империю, а империя не может строиться только на основе одной нации. Надо поработать соседние. Можно даже сказать – не поработать, а интегрировать соседние народы и территории в свое государство.

Шотландское виски «Balquider» было настоящим «Single Malt» из дубовой бочки, пролежавшей на одном боку сорок лет. Это я прочитал на этикетке.

Возле камина лежала вязанка дров с другой этикеткой – «Русская береза. Made in Finland».

Я приказал помощнику узнать у министра лесного хозяйства, поставляются ли дрова из русской березы в Россию. Если да, то по какой цене. Если нет, то почему.

Комплект церемониальной одежды состоял из плавок цветов украинского флага, махрового халата такой же расцветки

с голубым тризубом на нагрудном карманчике и махрового полотенца.

– Ну, как тебе? – спросил я у помощника.

– Царский подарок, – осторожно поделился он своим мнением.

Я усмехнулся. Помощник был прав, хотя в свои слова он вкладывал что-то другое.

8

Киев. Март 2015 года.

Ей было лет сорок, этой женщине, чья фамилия стояла предпоследней в утвержденном списке посетителей. И зашла в палату она не одна, а с Колей Львовичем.

– Какой вопрос? – устало поинтересовался я.

– Я только хотел вас познакомиться, – негромко произнес глава администрации.

Я насторожился. Коля Львович вел себя подозрительно вежливо и корректно, словно хотел произвести на женщину хорошее впечатление.

– Майя Владимировна Войцеховская, – почтительно произнес он, показывая на нее взглядом.

– Очень приятно. Так, а в чем дело?

– Сейчас вам по состоянию здоровья еще рано принимать некоторые решения.

– Что ты имеешь в виду?

– Если позволите, я объясню вам все завтра или послезавтра. До свидания.

Женщина приветливо улыбнулась и, прежде чем выйти из палаты, кивнула на прощанье. Коля Львович последовал за ней.

– Узнай – кто это и в чем дело! – приказал я помощнику.

Москва. Январь 2013 года.

Большуший открытый бассейн – точная копия бассейна, на месте которого восстановили Храм Христа Спасителя, – был построен на Воробьевых горах.

С утра Москва, укутанная в снежный пух, белела, как волшебное сказочное царство. По распоряжению мэра города Лужкова-младшего выезд на дороги частных машин был запрещен до 10 утра. В это время над Москвой совершили экскурсионный облет пять десятков больших вертолетов. Непривычно добрым показался огромный город с высоты в тысячу метров. Белые, покрытые нетронутым снегом улицы и проспекты казались замерзшими каналами. С этой высоты не влюбиться в Москву было невозможно.

Рядом с бассейном стояли временные деревянные домики-избушки. По сути – всего лишь комнатки для переодевания, но на входной и выходной дверях у каждой – государственный флаг. Чтобы гостям понятно было.

Я уже переоделся в церемониальные плавки, надел и халат, и тапочки, когда возникло в моей душе некоторое замешательство. Почувствовал я себя мелким, слабым, незаметным. Видимо, давал о себе знать полет над Москвой. Государственные российские политпсихологи все рассчитали четко. Даже момент воздействия этого полета. И вот теперь

я стою перед дверью. За ней – ковровая дорожка по снегу к лесенке, спускающейся в замерзший бассейн, превращенный в уютную с виду прорубь с ровными краями, украшенными еловыми и сосновыми ветками. Вот тебе Русь с высоты полета, а вот она тут же, внизу, у проруби. Исконная, суровая, холодная, навязчивая, торжествующая.

Кто-то стукнул по двери, перед которой я задержался. Это мой верный помощник. Я не знаю его имени. Да и знать не хочу. После неприятностей с предыдущим помощником я решил держать дистанцию. А лучшая дистанция – это когда ты ничего о человеке не знаешь. Ни имени, ни фамилии, ни места рождения. Зато и он не может к тебе обратиться. Никаких просьб, никаких жалоб. От кого? От человека без имени?!

Снег под ковровой дорожкой хрустит в такт моим шагам. Приятный морозец забирается под халат. Справа от меня по такой же дорожке в халате из британского флага идет молоденький премьер-министр Объединенного Королевства, лидер Консервативной партии. Слева осторожной походкой приближается к праздничной проруби здорово постаревший за последний год Ким Чен Ир.

А где же сам президент Путин? Я рыскаю глазами по сторонам, но вижу лишь сотни неразличимых лиц, объективы кино-и телекамер. А! По другую сторону проруби стоит самая большая избушка-купальня, на крыше которой развевается российский флаг.

Вода приятно обжигает холодом. Эта часть проруби-бассейна – только для глав государств. Для членов официальных делегаций определен основной бассейн, который отсюда едва виден. Зато видно, что в основном бассейне-проруби через каждые три-четыре метра – плавающий столик с шампанским и закусками.

А здесь, в бассейне для глав, никаких столов. Мне на мгновение становится грустно. Это потому, что возникает естественное желание борьбы с холодом. Не помешало бы пятьдесят граммов хорошей украинской водки. Но я уже приучен должностью противостоять своим желаниям. Хочется постоянно. Хочется повисить пенсии и зарплаты, вернуть долги шахтерам, хочется сделать страну счастливой и процветающей. Но обычно в такие моменты появляется Коля Львович или еще кто-нибудь и четко объясняет: богатая страна – это бедное правительство. Бедное правительство – бедный президент, дешевые машины эскорта, плохая отделка президентского авиалайнера и, в конце концов, потеря уважения коллег по политической карте мира.

Главы делегаций уже все в проруби и ждут. И вот звучит российский гимн и двери главной купальни открываются. На ковровую дорожку выходит хозяин российских просторов. Он не изменился. Все так же невысок, худощав. Год назад он вернулся к власти после четырехлетнего перерыва. Украина его поздравила по-царски. Подарила километр крымского берега под летнюю виллу. Только так смогли избавиться от

совершенно бандитского Центра по охране крымской природы, с которым сама симферопольская власть справиться не могла. А тут всего одна группа российских спецов приехала принимать и оформлять дар, и сразу все руководство Центра пропало без вести.

В проруби Путин первым делом направился к новому президенту США.

Потом он переговорит с президентом Казахстана и, наконец, подплывет ко мне.

Киев. Март 2015 года. Вторник. 02.45 ночи.

– Проснитесь, проснитесь! – Кто-то вытормошил меня из сна, как поросенка из мешка на пол.

Сразу закололо в груди, и пальцы потянулись к пульту с красной кнопкой для экстренного вызова, лежавшему тут же, на кровати.

– Новости, срочные! – Голос Коли Львовича дрожал.

– Что такое? – спросил я, пытаясь всмотреться еще сонными глазами в его круглое лицо.

«А щеки-то свежевывбритые! – заметил я мысленно. – Раз успел побриться, значит, не война».

– Надо срочно снимать одесского губернатора, – выпалил он на выдохе. – Вчера в Кишиневе он обсуждал с молдаванами линию границы. Пообещал отдать им три километра автодороги.

– В обмен на что?

– Пока не ясно.

– А откуда ты все это знаешь? У нас что, в Молдавии свои люди есть?

– У наших друзей есть, – ответил Коля Львович.

– А кто у нас сегодня друзья?

– Господин президент, это очень серьезно! Я уже указ подготовил – только подписать надо.

– И кого на его место?

– Брудина.

– Так ты же с ним, кажется, в одноклассниках ходил!

– Поэтому и рекомендую. Я же только тех советую, кого не меньше двадцати лет знаю... Как я могу человека с улицы рекомендовать.

– Да, с улицы опасно. Ладно. Оставь указ. Утром посмотрю.

Коля Львович ушел. Я бросил недовольный взгляд на помощника, спавшего на своем стуле возле телефона. Он проспал весь разговор, и мне захотелось наорать на него. Но имени я его не знал, а ругать его просто так, как безымянную скотину, не хотелось.

Снова заснуть не получалось. Зато вспомнилась эта женщина. Как ее? Майя Владимировна? Кто она? Нет ли и тут какой-нибудь опасной интриги дорогого главы администрации? Майя... А сейчас март. Рановато она появилась...

Я усмехнулся. Волна неожиданной веселой бодрости наполнила тело. Я запустил в помощника подушкой. Он подпрыгнул. Оглянулся на меня испуганно.

– Не спать! – крикнул я ему.

Киев. Июль 1983 года. Пятница.

В ресторане «Дубки» на Сырце празднуется одновременно четыре свадьбы. Три – по беременности. Четвертая – тихая и немолодая. Не невеста, конечно. Сама свадьба. Жениху – лет пятьдесят, невесте – около тридцати. Гостей у них мало – человек восемь. Они негромко сидят за составленными в один прямоугольник тремя столиками. Я бы подумал, что просто встретились старые друзья, если б один из них, краснолицый в полосатом костюме-троечке с ослабленным узлом серебристого галстука, не провозглашал время от времени: «Горько!»

Моя свадьба – «по беременности». Поэтому за столом только мы со Светкой да родственники. «Ничего, – думаю я, – через пару дней отмечу ее по-настоящему. С друзьями и без жены!»

В Киеве от жары закипает асфальт. Его запах витает даже здесь, в ресторане. И исчезает он, только когда подносишь к самому носу стопку водки. Если подносишь бокал с шампанским – запах асфальта остается.

«Нет ли здесь предупреждения? – думаю я, разрезая тупым ножом котлету по-пожарски. – Может, запах асфальта – это символ семейного быта?»

Я смотрю на часы, подаренные позавчера будущим те-

стем. Они стоят. Заводить их не хочется. Ведь если заведу – они начнут отсчитывать минуты моей новой несвободной жизни!

Когда-нибудь я разведусь и буду платить алименты. И часы показательно верну бывшим родственникам. А пока атмосфера праздника мечется между вынужденным счастьем и мудрой еврейской грустью.

12

Киев. Март 2015 года.

– Так кто эта женщина? – спрашиваю я Колю Львовича, одновременно уминая ложка за ложкой манную кашу, политую раздавленной клубникой.

– Главврач просил дать вам еще пару дней на укрепление здоровья. Потом я расскажу.

– Интригуешь?

– Что вы, господин президент! – Коля Львович трясет головой, отчего его собранная с утра штатным парикмахером прическа распадается. Точнее, распадается пробор. Его лакированная монолитная волна ломается, и часть шевелюры висит надо лбом. Он это чувствует и возвращает волосы на место.

– Тебе говорили, что ты похож на молодого Берию? – спрашиваю я.

– Что это у вас за настроение сегодня? Вы же Берию не видели! Да и какой я молодой? Старше вас!

– Берию не надо видеть, чтобы знать, кто на него похож! Это не портрет, это символ.

Я вижу, как Коля Львович начинает закипать изнутри. На круглом лице – еще улыбка, а в глазах уже холодный огонек.

– Если б вы знали, сколько грязи приходится ради вас разгребать! – говорит он почти сердито. – А вы даже тот указик

о нанесении минимального вреда государству уже два месяца не подписываете!

– Я под наркозом ничего не подписываю! А по этому твоему указу мы сразу выпустим на свободу добрый десяток опасных преступников!

– Да какие они преступники? Бывший президент, два премьера, а остальные – фигуры третьего ряда! А не подпишете, так и вас потом посадят.

– За что?

Я бросаю взгляд на помощника, сидящего у входной двери возле тумбочки с телефоном. Он, бедный и бледный, делает вид, что читает книгу. Жаль, что не видно обложки.

– За нанесение государству финансового ущерба в размере свыше трех миллиардов евро!

– Это я столько ущерба нанес?! – Я отодвигаю тарелку из-под манной каши и пытаюсь вынуть из пазов накрывательную столешницу.

– Не нанесли, так нанесете. Или люди ваши нанесут, а отвечать вам! Подпишите указ! Всего-то делов – увеличить размер ущерба, за который наступает уголовная ответственность, до десяти миллиардов евро! И закон сохранится, и сидеть никто не будет!

– Пошел на хер, мудака! – кричу я, не на шутку рассердившись.

Тарелка не удерживается на столешнице. Летит вниз. Звонко разбивается.

Помощник подпрыгивает. Его книга падает на пол, и я наконец вижу, что он читал «Мертвые души» Гоголя. Хорошо, пускай самообразовывается!

Коля Львович вылетел из палаты, как пробка из бутылки. В открытую дверь вошел главврач. За ним санитарка с веником и совком.

– Вам еще рано в полную меру заниматься государственными делами, – спокойно проговорил он, опустив взгляд на лежавшую на полу книгу.

Помощник нагнулся, схватил ее и спрятал в тумбочку.

Слезы обиды.

Мы заходим в ближайшее парадное. Прислоняемся к ребристым батареям – хоть они теплые. Юра открывает шампанское, и мы по очереди передаем бутылку друг другу. Как индейцы трубку мира. Шампанское пить из горлышка трудно. Оно воздушное, кислое. Рвется пузырьками в нос, а потом и из носа.

– Ничего, скоро пьяные пойдут по улицам гулять, – успокаивает нас Игорь Мельник. – Найдем себе компанию!

Москва. Январь 2013 года.

Президент США и английский премьер не выдерживают праздничной церемонии и выбираются из бассейна-проруби, где их уже ждут помощники с теплыми махровыми халатами в руках. Укутавшись, они тут же выпивают по рюмке водки, поднесенной девушкой в «российском» купальнике с кокошником на голове. И идут к надувному ангару, где накрыт традиционный русский стол. Для теплолюбивых лидеров. Остальные пока в проруби. Каждый ждет своей очереди поговорить с президентом России. Хочешь поговорить – терпи!

Мне как раз не трудно. Холодная вода приятно обжигает живот и ноги. Время от времени я погружаюсь до подбородка – надо стараться охладиться равномерно, чтобы не гонять по венам и артериям разно-теплую кровь.

Разговор у нас, как обычно в Крыму, начинается со взаимных претензий. Проблемы те же, но зато стабильные и легко откладываемые на далекое будущее. Хотя вспоминать о них приходится регулярно. Иначе не о чем было бы говорить. Долги за газ, Севастополь, отношения с Турцией и украинские батальоны на российской службе.

– Ты же ввел пропорциональные выборы в парламент, – говорит он мне своим обычным равнодушным тоном. – Так

почему же запретил проводить их в Севастополе?

– Вы же понимаете, что за места в парламенте борются партии, представляющие различные финансовые интересы. А в Крыму – партии, представляющие разные этнические группы. Если я дам добро, победит Российская партия Крыма, ну еще партия «Татарский Крым» получит процентов двадцать, а Украинскую партию Крыма даже к выборам не допустят. Что мне потом мудаки в Верховной Раде скажут?

– А ты им покажи номера их зарубежных счетов! Или, может, ты не знаешь, куда бюджет уплывает? Я могу поделиться. У меня человек на сорок из твоей Рады досье есть. Прислать копии?

– Не надо.

– Смотри, не удержишь власть в центре – окраины осыпятся. Я отвернусь, границы закрою. Вентили закручу...

– Помните, вы предлагали провести операцию «Чужие руки»? – напоминаю ему я, выводя разговор на тот уровень, который ему нравится. Пора заставить его улыбнуться.

– А что, ты уже согласен?

– Почти. Надо только определить состав нашей бригады, которая пощиплет вашу верхушку.

– Чего определять? Могу сегодня же тебе передать. Имена всех твоих честных чекистов нам известны, а остальные нас не интересуют. Ты лучше определи границы, в пределах которых можно у тебя проводить зачистку.

Я киваю. Он смотрит на часы. Потом взгляд его малень-

ких глаз уходит мимо меня в сторону прохода-канала, через который в обычный день можно попасть в другие открытые бассейны этого комплекса.

– Ладно, туркмен-баши подождет, – говорит он сам себе. Потом своим взглядом направляет мой в сторону того самого канальчика.

Там из легкого тумана выплывает стол-ладья, над которым висит что-то странное.

Деревянная ладья с низенькими бортами, заставленная хрустальными фужерами, шампанским, горками блинов с икрой и прочим, подплывает ближе. Останавливается в центре бассейна-проруби. Теперь над ней можно четко увидеть лазерное голографическое изображение всей семьи последнего Романова. Они настолько реальны, что меня пробирает дрожь. Я ловлю на себе взгляд царя Николая и хотя понимаю, что это всего лишь спецэффекты, но на мгновение мне делается страшно. Что-то холопье возникает в душе, да и сама душа, любящая холод и зимнее плавание, вдруг скукоживается, прячется.

Царевич Алексей вдруг поднимает руку и обводит ею всех собравшихся в проруби. Улыбается. Оборачивается. В его глазах – искренняя радость и любопытство.

– Утром над Москвой летал? – спрашивает вдруг российский президент.

А я-то думал, что он уже отплыл.

– Летал, видел, – говорю я. – Красотища! Белые проспек-

ты!

– Я хотел всем показать, что Москва не хуже Питера!

Голова российского президента не спеша движется в легком тумане над водой в сторону президента Молдавии.

А я не могу оторвать взгляда от царской семьи. Словно это изображение включило в моей генетической памяти рычачок верноподданничества.

– За Росссс-сссс-сию! – гремит над комплексом усиленный чистый мужской голос. – За матушку городов и земель русских!

Рука тянется к ближайшему хрустальному фужеру.

Киев. Март 2015 года.

– Ты узнал, кто эта женщина?

Помощник отрицательно мотает головой. Во взгляде – чувство вины.

– Почему не узнал?

– Из тех, кто со мной может разговаривать, никто ничего не знает, а в Администрации... Они же на меня плевать хотели! – В голосе слышна обида.

– Ну-ну, – успокаиваю его я. – Будешь себя правильно вести, сам потом на них плевать будешь!

В его взгляде появляется благодарность и надежда на лучшее.

– Тебе Гоголь нравится? – спрашиваю я. Просто настроение у меня в это утро доброе.

– Нет, – признается он. – Но дочке задали в школе, а у нее нет времени читать.

– Чем же она занимается?

– Она руководит кружком юных адвокатов. Сейчас каждый день своих в суды водит. Процессы слушать.

– Сколько ей лет?

– Тринадцать.

– Плохое число, – вырывается у меня, и я тут же понимаю, что на мгновение отвлекся от разговора. Спыхватываюсь: –

Но возраст хороший. Золотой возраст!

Киев. Сентябрь 1983 года. Суббота.

За окном шелестит по листьям дождь. Окно давно не мытое. В коридоре роддома тихо. Под холодной батареей стоит блюдце с молоком, возле него спит котенок. Рыжий и худой. Толстая нянечка в грязном белом халате, проходя мимо, останавливается, опускается на корточки и гладит спящего котенка.

– Бедолашный, – говорит она сочувственно. Потом поднимается и, не обращая на меня никакого внимания, уходит.

Приглушенный крик роженицы долетает откуда-то из недр роддома. Я тоже в этих недрах, но, судя по крику, между мной и роженицей две-три двери или перегородки. Может, это Светка?

Я прислушиваюсь. Снова звучит крик, но крик не голос – трудно разобрать, кому он принадлежит.

Снова тишина. Котенок проснулся и пьет молоко.

Женщина-врач быстро проходит коридором и исчезает за белой дверью. На двери никакой таблички нет, значит, и за ней нет ничего конкретного. Просто кто-то рождает.

Снова крик, только теперь уже другой.

Опять мимо меня проходит толстая нянечка. В руках швабра и железное ведро, на котором красной краской написан инвентарный номер.

– Извините, – останавливаю я ее. – А сколько обычно роды тянутся?

– Пока ребенок не родится, – отвечает она и уходит.

«Ну ладно, будем ждать», – вздыхаю я. Потом думаю, что даже чекушки крымского портвейна с собой не принес, чтобы отпраздновать! Смотрю на часы, подаренные тестем перед свадьбой. «Ракета», белый металл, хромированный браслет. Половина второго ночи.

В коридор входит женщина-врач. Ее взгляд останавливается на мне.

– Ваш ребенок родился мертвым, – говорит она таким тоном, будто я в чем-то виноват.

Я растерян. Я не знаю, что делать.

– Мальчик? Девочка? – спрашиваю.

– Мальчик. Жену вашу оставим здесь на три дня, пока швы не схватятся. А вы можете идти.

Киев. Май 2015 года.

Генерал Светлов мог бы быть министром обороны. Если бы был повыше ростом или если бы я наплевал на мнение Коли Львовича. Впрочем, это и есть его мнение. Министр обороны должен быть заметной фигурой. Именно фигурой, а не личностью. А генерал Светлов – личность. Но не высокая – ростом. Жаль. Мне он искренне предан.

Он зашел и стоит в моем кабинете. Ждет, когда я взглядом укажу ему на кресло.

– Садись, садись, Валера! Чай? Кофе?

Он отказывается. Раскрывает кожаную папочку и поднимает взгляд на меня.

– Я принес список для операции «Чужие руки». Семьдесят две фамилии. В основном из Москвы, но есть несколько человек из Красноярска, Кронштадта и Питера. За них – ручаюсь. На сделку с совестью не пойдут.

– А что думаешь по поводу их списка?

– Старые данные. Из пятидесяти трех в наличии только сорок, из сорока я бы головой ответил за двадцать восемь. Проверенные. Остальные?.. – Он пожимает плечами. – Хорошо бы в грязь лицом не ударить.

– Добро. Оставь эти двадцать восемь, добавь от себя человек тридцать и собери их всех послезавтра в Пуще-Водице в

нашем санатории. К одиннадцати утра, и без лишних ушей. Я подъеду. Только все это между нами.

Светлов кивает.

Через полчаса мне хочется размяться. Я делаю перед зеркалом несколько взмахов руками, но мой взгляд опять упирается в веснушки, буквально засыпавшие мое лицо. Пропадает всякое желание. Выхожу в коридор. В конце коридора возле лестницы – наш маленький блокпост с охраной. Возле ближайшей двери копошится столяр в спецовке. Откручивает с дверей табличку. На табличке:

Отдел регистрации обращений

Гресь Надежда Павловна

– И что здесь теперь будет? – спрашиваю я.

Столяр, оказывается, не слышал, как я подошел. Пугается.

– Я не знаю. Начальник велел снять, а повесить новую не говорил.

– А кто твой начальник?

– Николай Львович.

– А где он сейчас?

– У себя, только он занят...

«Ах ты ж римский гусь! – думаю я. – Занят?!»

Поднимаюсь в его приемную на третьем этаже. Секретарша из-за стола – прыг!

– Я сейчас ему скажу! – звенит тонкий голос.

– Не надо, я ему сам скажу!

Он беседует с двумя посетителями. Я узнаю их лица – депутаты. Только не помню, из чьего они клана.

– А ну выйдите на хер! – приказываю я, и оба депутата вышмыгивают. Легко и беззвучно, несмотря на свое грузное телосложение.

– У нас все нормально, – говорит негромко Коля Львович. – Никаких ЧП. Через час буду докладывать об обстановке...

– А что ты собираешься разместить в Отделе регистрации?

– Что, пожаловалась сука! – Испуганная улыбка превращается в оскал. – Я же ей не хуже пообещал, да еще и телевизор с микроволновкой.

– Оставь Павловну в покое. Не жаловалась она! Просто объясни, что будет в том кабинете!

Коля Львович перевел дух. Сосредоточился.

– С вами же невозможно спокойно говорить, господин президент! А нам часа два нужно, чтобы я все толком объяснил.

– Хорошо. Перенеси встречу с послем Израиля на завтра, и жду тебя через полчаса у себя. И доклад об обстановке не забудь!

Разворачиваясь, я видел, как побледнел Коля Львович. Не могу и не хочу скрывать тот факт, что его напуганный, взволнованный вид вызвал во мне чувство удовлетворения. Почаще бы он бледнел!

Киев. Сентябрь 1983 года. Воскресенье. Ночь.

Дождь шелестит по листьям. Все размыто. И под ногами, и перед глазами. Осень везде, даже внутри меня. Я, несостоявшийся отец, бреду вдоль дороги домой. Усталое безразличие вдруг уступило место слезам. Слезы стоят в глазах, словно из солидарности с осенним дождем.

Я сворачиваю на Туполева. Размытый желтый цвет фонарей и такие же желтые глаза автофар – вот и все освещение этой ночи.

Над овощной фабрикой – легкое зарево тепличного люминесцентного света. Возле ворот фабрики на лежащем фонарном столбе кто-то сидит. Я подхожу ближе и улавливаю негромкие ритмичные всхлипы.

Приседаю на корточки и заглядываю в лицо, уставшим подсолнечником наклоненное к земле.

– Тебе плохо? – спрашиваю.

– Очень плохо! – отвечает молодой девичий голос. – Меня с работы выгнали!

– За что?

– Начальнику смены не дала!

– Молодец! – пытаюсь ее ободрить.

Она поднимает лицо и смотрит на меня заплаканными глазами. Ей лет восемнадцать. Крашенная блондинка с разма-

занной косметикой на лице. Но под всем этим что-то настоящее. Настоящее переживание своего несчастья.

– Мне тоже плохо, – говорю, чтобы ее успокоить.

В ее глазах вспыхивает огонек надежды. Словно она хочет подробнее узнать о моих несчастьях и потом сравнить их со своими.

– У меня мальчик родился мертвым, – добавляю я.

Она еще выше поднимает голову и смотрит на меня внимательнее. Мол, давай, давай, жалуйся на жизнь!

– Жену оставили на три дня в роддоме. Пока швы не схватятся.

– Какой вес? – спрашивает она.

Я пожимаю плечами.

– Мертвых же не взвешивают, – думаю вслух. – Но имя ему надо дать. Чтобы лучше запомнить!

– Ты его видел?

– Нет.

– Если хочешь, пойдём к тебе! – предлагает мокрая, заплаканная блондинка.

– Мы с моими родителями живем.

– Тогда пошли ко мне, в общагу. Тут рядом. Только надо будет через окно лезть, чтобы Бурчиху не разбудить – это наша комендантша. Она – дура, чуть кто из парней в гости – сразу милицию вызывает.

– Пошли, – соглашаюсь я.

Домой мне не хочется по многим причинам.

Киев. Пуца-Водица. Май 2015 года.

Генерал Светлов любит штатскую одежду. У него костюм от Воронина-младшего. Серый, но не мнется. А при особом неярком освещении блестит. Если генерал предпочитает штатское – ему можно полностью доверять. Значит, он не мечтает стать главнокомандующим. У него нет мании величия.

Рядом со Светловым возле открытых ворот стоят директор санатория Мунтян и всякая местная обслуга. За обслугой блестит на солнышке знакомая лысина начальника моей охраны – полковника Потапенко. Тоже любителя штатской одежды.

Тройка «мерсов» бесшумно вкатывается в ворота, и они запираются. Я – в средней машине. Первая – пустая, в третьей – помощник.

– Все в сборе, – докладывает Светлов уже у главного корпуса. – Ждут в концертном зале.

– Отменить. – Я смотрю ему прямо в глаза. – Зал отменить. Через полчаса в охотничьем домике.

– Тогда лучше через пятнадцать минут, – негромко произносит Светлов. – На всякий случай.

Я киваю. Отхожу к Мунтяну.

– Проблемы есть? – спрашиваю директора санатория.

– Всегда есть, но не жалуемся!

– Правильно. Поэтому ты здесь уже десятый год! Кофе сделаешь?

Через пару минут мы уже в санаторном баре. И официант с лицом тинейджера несет эспрессо. Видно, как дрожат его руки под взглядом директора.

– Чей сын? – спрашиваю, показывая на официанта взглядом.

– Кастелянши. В нашем деле лучше доверять династиям.

– В нашем тоже. По крайней мере, большинство так думает. С Банковой сегодня никого не ждете?

– Николай Львович еще здесь, а больше никого. Сегодня же – рабочий день.

– Николай Львович здесь? – Я начинаю закипать.

– Он вчера ночью приехал. Не один. – В глазах Мунтяна блеснуло доброе снисхождение, словно о ребенке заговорил. – Они сейчас завтракают в комнате, и шофер его уже тут. Так что вот-вот уедет.

– А с кем он приехал? – Я начинаю думать о той женщине, Майе Войцеховской, о которой я еще ничего не знаю, кроме имени и фамилии.

– Молодая, похожая на цыганку. – Мунтян мнется. По лицу видно, что все знает. – Ну певица она, Инна Жанина...

– Тьфу! – вырывается у меня непроизвольно.

– Чего «тьфу»? – В голосе директора слышится несогласие. – Она очень приятная. Вам бы жениться лучше...

– Ты что, охренел? – Моя правая ладонь сжимается в кулак. Я приподнимаюсь с кожаного кресла.

– Извините, очень прошу, – начинает лепетать он. – Это от усталости. Да и не мои это слова. Это Николай Львович о вас говорил!

– Мудак твой Николай Львович! – рычу я.

– Да, да, мудак, – кивает Мунтян.

При виде чистых, открытых лиц собравшихся послушать меня в охотничьем домике настроение мое улучшается. Какие взгляды! Вот наш ресурс. Здесь он, а не в агентствах по трудоустройству!

– Добрый день, – говорю я и жестом останавливаю саму попытку поприветствовать меня. – Генерал Светлов выбрал вас для важного государственного задания. Мы с Российской Федерацией договорились о совместной операции «Чужие руки». Смысл, думаю, понятен. То, что регулярно делает киевская «Кобра» в Крыму, а черниговская в Днепропетровске, то вы будете делать в России, а они у нас. Только на совершенно другом уровне. Вы отправляетесь в Москву, а оттуда сразу в один из регионов. В Москве вы получите информацию о высших лицах региональной власти, так или иначе замешанных в преступной деятельности. Не ставя в известность местные органы внутренних дел или спецслужб, вы должны будете за три-четыре ночных часа провести задержание этих лиц и тут же вылететь назад в Киев. Сидеть

эти лица будут на нашей территории. Российская группа будет делать то же самое здесь и увозить наших подонков в Россию. Все ясно?

Ребята кивают. Я вижу, что им нравится моя решительность. Они предвкушают борьбу с преступностью в высших эшелонах власти. Конечно, они бы хотели этим заниматься здесь и постоянно, но увы. Невозможно. Здесь можно делать что-то радикальное только чужими руками. Как и в России. Дай бог, продолжим.

– Дальнейшую информацию вам предоставит генерал Светлов, которого я назначаю ответственным за операцию с украинской стороны. Удачи!

Пока я иду от охотничьего домика к главному корпусу, я чувствую спиной и затылком взгляды этих ребят. Я прохожу мимо озера, по которому плавает лебедь. Останавливаюсь.

«А что, если моих ребят будут использовать просто для местных переворотов? – закрадывается сомнение. – Нет, я же собираюсь российских ребят использовать по назначению. А не для того, чтобы разбираться с тем же Колей Львовичем. Хотя пора уже с ним разобраться».

– Он еще здесь? – спрашиваю я у Мунтяна, стоящего возле моего «мерса».

– Уехал. Как увидел, что вы здесь, – сразу чкурнул!

Крым. Судак. Июль 1982 года.

– Эй! Кто крайний?

Очередь перед бочкой с белым кисляком оборачивается. Точнее, каждый оборачивается назад, чтобы удостовериться, что он не крайний. Все мужики, все в плавках. У половины в руках трехлитровые банки.

– Я, я – крайний, – признается старичок в плавках и панамке.

Мы втроем подходим. Мы – это я, Валико из Москвы и длинный Женька оттуда же.

У нас две трехлитровки и кулек свежих мидий. Мы спешим, потому что жарко. Потому что мидии бывают свежими очень короткое время.

Вскоре они шипят на листе железа, под которым горит дерево, выброшенное морем на скалистый берег. Они выплевывают из себя последние капли влаги.

А мы пьем кисляк. Продавщица при бочке сказала, что это не вино, а бракованное шампанское, то есть шампанское без газа. По вкусу этого не скажешь, но оно холодное, а солнце печет неимоверно. Плюс тридцать пять. Поэтому нам наплевать, бракованное ли это шампанское. Или бракованное вино. Мы просто сидим на камнях и ловим кайф. Ловите, пока ловится. Любите, пока любится.

Мы здесь только третий день, поэтому еще не разобрались, кого любить. Надо, конечно, собраться, пойти на дискотеку в какой-нибудь санаторий и там уже осмотреться. Но это, может быть, завтра. А сегодня нам и втроем хорошо.

– Классный одесский анекдот! – объявляет Женька. – Сидит еврей на мосту и чешет свои яйца. Подходит к нему другой такой же и спрашивает: «Сеня, что ты сидишь на мосту и чешешь свои яйца?» «А что, – отвечает Сеня. – Ты хочешь, чтобы я сел на них и чесал мост?»

Мы смеемся. У нас нет выбора. У нас нет программы максимум. Мы реалисты. У нас будет три недели мидий, холодного вина из бочки и душевная женская компания, которая, если процемнтируется и пропахнет друг другом, соберется здесь же и следующим летом.

Киев. Май 2015 года. Пятница.

Ко мне заглядывает Николай Львович. Я прошу его зайти через полчаса. Потому что передо мной сидит на легендарном диване майора Мельниченко депутат Кармазов, председатель комиссии по государственным праздникам. Стрижка ежиком ему идет. Он похож на боксера, хотя по образованию ветеринар. Содержит сеть ветеринарных клиник. Молодец, в тридцать пять лет столько настроил!

– Но поймите, – говорит он, – страна несет страшные убытки. Пора сокращать количество нацвыходных! Вы только посчитайте! – он делает широкий жест в сторону настенного календаря, подаренного мне Институтом иудаики. – С двадцать пятого апреля экономика в обмороке! Вот, смотрите! Немецкий бундестаг уже третий раз присылает письмо с просьбой об отмене праздника Победы. Это же архивный праздник! Ветеранов не осталось! Страны, которая победила, давно уже нет. Европа от своего Дня Победы – 8-го мая – еще в прошлом году отказалась, но там всегда этот день был рабочим! Будут другие победы, тогда и выберем новый день, чтобы победителям было когда праздновать. Но мы же – мирная страна! Мы же ни с кем не воюем!

– Ладно, – качаю я головой. – Ты же знаешь, что я с тобой согласен. Ставь в повестку дня, а мой представитель в пар-

ламенте озвучит мое мнение. Добро?

Ветеринар Кармазов доволен. Он три месяца просился на прием. Если б я знал, о чем он будет говорить, то встретился бы с ним раньше. Но я боялся, что речь пойдет о введении новых нацпраздников!

– Позови Львовича, – прошу я помощника.

– Его тут нет.

– Тогда иди и найди его. Скажи, что жду!

Коля Львович заходит хмурый и насупленный. Спрашивает:

– О чем вы с ним говорили?

– А твое какое дело? О Дне Победы.

– И что? – Львович мне явно не верит.

– Будем отменять, чтобы поднять майскую экономику до уровня апрельской и июньской. Так. Садись, и я тебя слушаю!

Львович садится в мягкую выемку, оставленную на диване только что ушедшим депутатом.

– Что хотите услышать?

– По порядку. Почему Отдел регистрации стоит пустым? Кто такая эта женщина, которую ты приводил ко мне в больницу?

– Это все один вопрос. – Коля Львович явно не горит желанием рассказывать. Но отступить нельзя. Особенно сидя. – Ее зовут Майя Владимировна Войцеховская.

– Уже слышал.

– У нее в жизни была большая трагедия. Три месяца назад на собственном вертолете погиб ее муж Войцеховский Игорь Леонидович, 1980 года рождения. Она его очень любила.

– Ты мне индийский фильм пересказываешь? – Я начинаю терять терпение.

– Если у вас нет времени... – Львович поднимается с дивана.

– Сиди, – говорю ему я. – Сиди и рассказывай!

– Когда вы лежали в коме в феврале, вопрос надо было решать срочно. Так было нужно для стабильности в стране... Ее мужа пытались спасти там же, только не смогли. Были нарушены функции мозга. Она была категорически против того, чтобы его сердце использовать для трансплантации. Она даже поклялась никогда с ним не расставаться и договорилась с каким-то институтом о том, что за сто тысяч долларов в год они будут поддерживать сердце ее мужа живым... Нам пришлось пойти на серьезные компромиссы. Ведь это было самое свежее сердце.

Я дотронулся рукой до груди. Стало жарко.

– В конце концов пришлось подписать с ней контракт. Когда вы окончательно окрепнете, я вас с ним ознакомлю. Один из пунктов контракта оговаривает ее право постоянно находиться рядом с сердцем ее покойного мужа. Поэтому кабинет, о котором вы говорите, освобожден для нее. Но никакой таблички пока мы вешать не будем. Да и она сама не знает, хочет она здесь сидеть или нет!

Я сцепил пальцы обеих рук в замок и задумался.

– Тебе не кажется, что мои веснушки прогрессируют? – спросил я Львовича.

Он присмотрелся к моему лицу.

– Да нет, больше их не стало.

– А что, другого сердца у вас не было?

– Другое надо было ждать, а это оказалось рядом, в соседней операционной. Принадлежало оно, конечно, не лучшему представителю общества. Но эту информацию Майя Владимировна пообещала хранить в тайне.

– А ночью? Где она спит? – спросил я.

Львович замялся.

– На Десятинной. За стенкой вашей спальни. Там, в другой квартире, была раньше комната для отдыха прислуги. Но вход со двора. Вы не беспокойтесь, ее никто не видит и о ней никто не знает. Почти никто.

– Что ты сделал? – спросил я, взяв Львовича в оптический прицел своих глаз.

– Я спас вам жизнь и сохранил стабильность в государстве. Второе, кстати, намного важнее первого. Вы сами понимаете, кто бы сразу воспользовался вашей болезнью или смертью, чтобы объявить очередную войну коррупции в высших эшелонах и под этой вывеской полностью заменить наш слой.

– Наш слой? – удивился я, услышав новое для себя выражение.

– Да, наш слой. Мы – расслоившееся общество. Как торт наполеон. У нас один слой бедных, но много слоев богатых и много полубогатых прослоек, которые верят, что личное богатство создается политикой, а не экономикой.

– Ты мне лекции не читай! Что еще ты пообещал этой даме?

– Давайте, господин президент, лучше как в «Тысяче и одной ночи». Постепенно. Потихоньку. Так всю правду и узнаете. А то ведь сердце не родное, может и не выдержать. Тогда ради чего я старался?

Париж. Кафе «Бушерон». Октябрь 2011 года.

– Я хочу замуж, – сказала она, глядя на бокал молодого божоле.

– Все женщины рано или поздно хотят замуж, – согласился я, прикуривая от спички бармена сигаретку «Галуаз». – Это не значит, что они хотят счастья. Они хотят стабильности.

– В прошлый раз, в Брюсселе, ты обещал бросить курить. Ты обещал, что мы будем встречаться не реже, чем раз в десять дней. Ты не обещал на мне жениться, но сам мне рассказывал, что твоя жена умерла уже три года назад, а дочь учится в Америке. Неужели я не могу заменить ей мать?

Всякий раз, когда мы встречались с Вероникой, разговор начинался с перепалки и взаимных претензий. Это свидание не стало исключением. Я смотрел на нее, красавицу, постепенно теряющую свою молодость и от этого становящуюся более требовательной к жизни и к своему окружению. Я был частью ее ближайшего окружения. Она жила на Владимирской, но в Киеве мы не встречались. Это было невозможно. Зато можно было купить билет в Париж. Один для меня, второй, на следующий рейс, для нее. Можно было встретить ее в аэропорту Шарля де Голля с букетом цветов. Отвезти в гостиницу «Шератон». Дать понежиться два часа в ванной,

заказать в номер ароматический массаж и бутылку шампанского. Можно было дать ей пару раз в месяц почувствовать себя гранд-дамой, светской львицей, правда, вне светского общества.

– Что ты молчишь? – спросила она. Дотронулась накрашенными губками до вина и поставила бокал на стойку бара.

– Молодое божоле – это праздник для бедных, – усмехнулся я. – Молодое вино не может быть хорошим. Запомни!

– Если бы я запоминала все твои истины, то стала бы кладезем банальностей!

– Запомни или, вернее, не забывай, что ты – молодая, красивая, желающая выйти замуж женщина, – пропел я.

Она на мгновение растаяла, но быстро стряхнула с себя удовольствие, полученное от моих слов. Расправила плечи и резанула меня взглядом прищуренных зеленых глаз.

– А ты – технократ, лишенный чувств и не разбирающийся в технике. Даже в технике любви! Ты только рвешься куда-то, сам не зная куда!

– Я рвался не куда-то, а сюда. Я мечтал увидеться с тобой. Я сделал для этого все возможное и даже, можно сказать, пренебрег интересами Родины!

– Не произноси слово «родина» с большой буквы! – Она с сожалением покачала головой. – Ты не перед избирателями, не в парламенте. Ты вообще сейчас нигде! Тебя даже тут, рядом со мной, нет!

– Нет, я только с тобой. – Я посмотрел на свои часы. «Фи-

липп Патек» показывал половину шестого. – Я даю тебе еще двадцать минут на претензии, а потом мы идем ужинать!

Вероника бросила взгляд на свои платиновые часики «Тюссо» – мой подарок к ее тридцатипятилетию. И кивнула.

И тут же ее агрессивность исчезла. Она, вероятно, подумала о времени. О том, что каждый отрезок жизни измеряется минутами и часами, и если безалаберно тратить минуты, отпущенные на счастье, то и счастье получится куцое, как из секунд-хэнда.

– Я тебя не обманула, – мягко произнесла она. – Я хочу замуж, и если ты не против, то выйду уже через месяц.

– За кого? – спросил я, любуясь артистической грустью на ее лице.

– За Алхимова.

– За старшего или за младшего?

– Ты смеешься? Конечно, за младшего.

– Да. – Я кивнул с совершенно серьезным выражением лица. – Старший богаче, но младший моложе и тоже не бедный. В конце концов и папино богатство перейдет к нему, если на бензозаправочном фронте не возникнут новые боевые действия. Что тебе сказать? Останавливать тебя я не имею права. Выходи!

В глазах Вероники блеснули слезы.

– Ты уже прощаешься со мной? – спросил я. – А как же ужин?

– Нет. – Она мотнула головой. – У нас же еще два дня

вместе. Я не имею права прерывать наше свидание. Брак – это одно, любовь – другое. Изредка они совпадают.

Из ее глаз действительно выкатились две слезинки и поползли по щечкам вниз.

«Ей стоило бы поправиться», – подумал я, глядя на Веронику, на ее тонкое, изящное лицо, на изумрудную блузочку, на такую же изумрудную узкую юбку до колен, мешавшую ей легко забрасывать ногу на ногу.

– Тебе же с ним придется жить, – произнес я задумчиво. – Вы не будете с ним встречаться в Париже или в Амстердаме, не будете гулять по набережной Темзы возле Пимлико.

– Я понимаю, я все понимаю. – Она поднялась, оправила юбку. – Я сейчас!

И, взяв косметичку, Вероника пошла приводить себя в порядок.

Я подумал о том, что ее заготовленный и отрепетированный монолог вдруг превратился в искренний крик души. Она этого не ожидала и поэтому не совладала с собой. Теперь только зеркало туалетной комнаты сможет помочь ей восстановить свои силы. Силы женщины – в лице, в боевой раскраске бровей, щек и ресниц, в сочетании твердой интонации с твердостью взгляда. Это тяжелый труд – быть красивой женщиной. Даже не просто быть, а ЖИТЬ красивой женщиной. Я ей не завидовал. Такая жизнь часто упирается в одиночество, как внезапно обрывающаяся дорога.

Евпатория. Сентябрь 2002 года.

– Сережа, ты только смотри за ним, чтобы он морскую воду не пил! – просит мама, показывая рукой на моего брата-близнеца Диму.

Дима стоит по колено в море. До берега далеко. Он жадно осматривает горизонты. Первый раз на море и первый раз за пять лет за забором интерната для психически больных людей. Он – из тихих. Из очень тихих.

– Сережа, я пойду куплю мороженое! Тебе какое? – кричит мама.

– «Каштан».

– Я ему тоже «Каштан» возьму, вы же близнецы!

Я смотрю ей вслед, как она идет по безлюдному мелкому морю. Красивое зрелище. Такой она навсегда останется в моей памяти. Уходящей по безлюдному мелкому морю.

Недавно закончился дождь, и поэтому отдыхающие потихоньку сходятся к песочному пляжу. Они не любят лежать на мокром песке, а нам – все равно. Мы приехали показать Диме море.

И он смотрит на него жадно, с открытым ртом.

На нем синие плавки-шорты с белыми лампасами. Самые дешевые. Ему ведь все равно. Это нам важно, чтобы он выглядел как здоровый.

– А там, – оборачивается ко мне Дима. Рука его протянута в сторону далекого морского горизонта. – Там что? Там корабли?

– Да, там Одесса, корабли, другие страны.

– Сережа, – он ищет взглядом мои глаза, – я же не больной! Мне просто неинтересно жить.

Дима говорит медленно. Я смотрю на его лицо и понимаю, что близнецов в нас может теперь увидеть только мать, когда обоим выдаст по одинаковой пачке мороженого. Он худой, глаза припухшие, нос со шрамом – ему пришлось драться с местными идиотами, защищая от сельских мародеров грузовик с продуктами, прибывший в интернат. Кстати, сам поступок заставляет усомниться в его болезни. Наоборот, кажется, это главврач интерната серьезно болен. Но, может, у него не было другого выхода, только позвать больных на помощь, когда местные окружили грузовик и начали вытаскивать водителя из кабины.

Странная история, закончившаяся грамотой главврача, которую Дима привез сюда, чтобы смотреть на нее перед сном и просить то меня, то маму прочитать ее вслух.

«За героизм и самоотверженность, проявленные при защите имущества дома-интерната № 3 в селе Глуховка Черниговской области, награждается Бунин Дмитрий Павлович».

– У твоего отца была такая же медаль, – сказала мама, прочитав вслух грамоту в первый вечер. – Серебряная. «За героизм». Ты весь в него!

Киев. Сентябрь 1983 года. Воскресенье. Ночь.

– Дай телефон твоих родителей! – требует комендантша общежития.

В комнате под потолком горит лампочка без абажура. На одной кровати как ни в чем не бывало спит толстуха лет тридцати. На второй сидит в одной юбке, прикрывая руками тощую грудь, та, с которой я сюда пришел. Я не понимал, кто кого собирался утешать этой ночью, но пятнадцать минут назад я посадил ее, помог забраться в окно этого высокого первого этажа. Потом пролез сам. Потом она сняла куртку и свитер, сказала, что ей холодно, и пошла в соседнюю комнату, чтобы тихонько взять из тумбочки подруги бутылку мадеры. Как только вернулась, вслед за ней зашла комендантша Бурчиха и включила свет.

Вот и вся история!

– Я его не знаю! – испуганно повторяет девушка с тощей грудью.

– У нас три дня подряд пропадают вещи! – строго глядя мне в глаза, говорит комендантша, женщина-сервант лет пятидесяти. Она стоит в дверном проеме и полностью его занимает своим телом. – Дай телефон родителей! Пускай приходят и платят за тебя штраф! Или я вызову милицию!

– Вызывайте, – говорю я. Меня охватывает полное безраз-

личие. Сегодня – ночь потерь, но у меня такое ощущение, что терять мне больше нечего.

Оказывается, я не прав. Комендантша вызывает криком в темный коридор какого-то полупьяного дядю Петю, который держит меня за руки, пока она звонит в милицию.

– Как ты залез в общежитие? – допрашивает меня уже в райотделе на улице Щербакова сонный сержант. – Через окно?

– Да.

– С целью совершить кражу личного имущества?

– Нет.

– А в морду? – Сержант отрывает взгляд от протокола, который он составляет, и упирается этим бычьим взглядом в мое лицо.

– Меня девушка привела.

– Она тебя первый раз в жизни видит!

– Да, мы только познакомились, и она меня привела в общагу.

– Ну послушай, что ты несешь! Как может девушка первого встречного ночью вести в свою комнату? А?

Я пожимаю плечами. Сержант смотрит на часы – полтретьего. В двери заходит моя мать.

– Что он натворил? – спрашивает со слезами на глазах. – Что ты наделал? Что ты нам жить не даешь! Сволочь! Подонок! Паразит! Тунеядец!

– Успокойтесь, гражданка, – неодобрительно смотрит на

нее сержант. – Ваш сын хотел совершить кражу личного имущества из общежития работников овощной фабрики.

Возникает пауза, во время которой в голове моей матери проносятся всевозможные сценарии, и интонация ее меняется.

– Вы поймите! Они же без отца росли. Он погиб на полигоне. Военный, офицер, капитан. У него брат больной, я все время за братом ухаживаю. С работы – домой, из дому – по врачам.

– Понятно, – останавливает ее сержант. – Можно, конечно, обойтись хулиганством, но злостным. Влезть в женское общежитие – это же не окно разбить!

– А ну, выйди в коридор! – командует мне мать.

«Кто здесь сержант?» – думаю я и подчиняюсь.

Через пять минут меня возвращают в кабинет.

– В следующий раз будешь умнее! И будешь думать о последствиях! – говорит мать и уходит.

А меня оставляют. Я получаю десять суток и десять суток подметаю территорию райотдела. Мою полы на первом и втором этажах. Тайком играю в очко с шестидесятилетним Зямой, получившим пятнадцать суток за то, что нагадил под дверь соседке, написавшей на его двери мелом слово «жид».

Киев. Май 2015 года.

– Ну-ка поднимите рубашку, – говорит мне личный врач.

Пришел в мой кабинет и командует. Но я подчиняюсь. Он слушает мое новое сердце. Слушает внимательно. Потом прикладывает хромированный холод стетоскопа к груди. Слушает легкие.

– Веснушки не проходят? – интересуется между делом.

– А разве веснушки могут пройти? – спрашиваю я, уже потерявший надежду очистить от них свою кожу.

– Если они проявление болезни, то могут. Если же нет – то останутся. Природа спонтанного появления веснушек в зрелом возрасте недостаточно изучена.

– Чем же занимаются ученые-медики на бюджетные деньги?

– Не веснушками, – честно говорит врач. – Раком, СПИДом, саркомами. Но если честно.

– Чего замолчал? – Я оборачиваюсь и смотрю на этого бывшего военного врача, которого мне присоветовал Коля Львович.

– Это только предположение, – после паузы продолжает он. – Мне кажется, западные фармацевты выводят новые виды гриппа и астмы для запуска в продажу новых лекарств. Ну, как компьютерщики зарабатывают на антивирус-

ных программах, предварительно производя и запуская новые компьютерные вирусы.

– Да? – Мысль врача мне кажется интересной. – Так, может, веснушки – это все-таки новая болезнь и против них уже есть лекарство?

– Не слышал.

– А ты узнай! Когда узнаешь, доложи!

После врача в кабинет заходит Львович с пачкой документов.

– Это на подпись. – Он кладет пачку на стол. – И еще. Чтобы вас это не застало врасплох. Пока вы болели, мы в Кабмине провели реформу.

– Какую реформу? – Я смотрю в его круглое лицо, как в пустую тарелку, которая предлагает мне съесть то, чего на ней нет.

– Премьер-министра как такового больше нет, – спокойно рассказывает Львович. – Премьер-министром по очереди становятся отраслевые министры, и таким образом та или иная отрасль становится временно приоритетной. Сейчас обязанности премьера исполняет министр экономики Синько. Там, в документах, план этой реформы есть. Автор – вы.

– Выйди, зайдешь через десять минут! – команду я. – Сам прочитаю!

Оставшись один, я просматриваю документы. Реформа дельная, только жалко, что исходит от этого придурка. Правда, он не дурак, раз поставил мое имя под реформой.

– Эй, – кричу я помощнику. – Позови его!

Коля Львович входит. Мне хочется сказать ему что-нибудь приятное. Взгляд сам выхватывает из общей картины, составляющей эту серую личность, никак не вяжущийся с его обликом и цветом костюма фиолетовый галстук.

– Хороший галстук! – говорю я ему с улыбкой.

Он доволен.

– Может, немножко «Хэннесси»? – предлагает.

Я кивком призываю помощника, который все слышал.

– За реформу! – Львович поднимает коньячный бокал.

– За нее, родимую! – поддакиваю я.

Киев. Октябрь 1983 года.

Десять суток подметания двора райотдела милиции пошли мне на пользу. Не только потому, что я завел полезные знакомства. Нет. Прежде всего у меня там обнаружилось предостаточно времени для размышлений о человеческих ценностях и морали. Это если говорить громко. Если же выбирать камерные слова и выражения – я успел не только поплакать о своей судьбе, но и подумать о будущем. Я понял, что жизнь сама, как река, вынесла меня во двор этого райотдела, и теперь от меня зависело, поплыву я дальше по течению или попробую сам выбрать маршрут. Что у меня позади? Школа, десяток работ, ни на одной из которых я не задерживался дольше трех месяцев, и свадьба. А теперь вот первые десять суток ареста. Что впереди? Практически вся жизнь, только вот с чего ее заново начать? С развода?

О разводе Светка заговорила сама. Когда я вернулся из милиции домой к родителям, ее вещей в нашей комнате уже не было.

– Она тут тебе письмо оставила, – сказала мать. – Я его не читала!

Конверт был заклеен, но надорван. Да и письмо, когда я его вытащил, пахло селедкой. Моя мать любила селедку, и два раза в неделю на ужин у нас был форшмак с картофель-

ным пюре.

«Сережа!

Извини меня. Мне кажется, что смерть нашего ребенка – это предзнаменование, знак против нашего брака. Второе предзнаменование – это твои десять суток. Думаю, нам надо развестись. Если ты не против, позвони. Я у своих. Целую, Света».

– Ишь ты, – удивился я. – А как же насчет того, что Бог троицу любит?

Но я все-таки позвонил и сказал: «Я не против». Она, кажется, обрадовалась. Развод прошел быстро. Все сделали ее родители через своих знакомых в ЗАГСе.

– Это надо отметить! – сказал мне приятель Женя, живший двумя этажами ниже.

Я и отметил. Взял бутылку портвейна «три семерки» и вечером пошел в райотдел милиции. Нашел арестовавшего меня сержанта, и мы неплохо посидели в его дежурке. Выпил с нами за мой развод и молоденький лейтенант. Дагестанец Марат Гусейнов.

– Будут проблемы – заходи! – сказали они мне на прощанье.

Киев. Октябрь 2014 года. Ночь.

За окном дома по Десятинной улице хлещет дождь. Он бьет по стеклам, бьет по моим барабанным перепонкам. Но я сплю. В камине догорают дрова. Я сквозь некрепкий сон слышу их треск, и он немного оттеняет шум дождя. У меня был трудный день. Ничто так не выматывает меня, как ежемесячное обращение к нации по телевидению. Это все в прямом эфире. Потом пресс-конференция. И тоже в прямом эфире. И вопросы – один веселее другого. «Будет ли Украина вводить санкции против Польши в ответ на запрет въезда в Польшу украинского транспорта с дизельными двигателями?» «Что вы думаете о законопроекте, предусматривающем натурализацию нелегальных эмигрантов?» «Когда правительство наведет порядок в энергетическом секторе?»

Мне еще слышатся во сне все эти вопросы. Два часа ночи. И вдруг – легкий стук в двери. Стук продолжается несколько минут, пока я не открываю глаза.

Я фокусирую взгляд на затухающем огне камина. Поднимаюсь и, накинув халат, подхожу к двери.

– Извините, господин президент, – тихо докладывает начальник охраны полковник Потапенко. – К вам Николай Львович рвется. Что-то срочное.

– Что у тебя? – спрашиваю я, заходя в гостиную, где он

дожидается моего пробуждения.

– Утром Казимир объявит о повышении цен на электричество, – нервно тараторит Львович. – На пятьдесят процентов! Вы понимаете, что это значит?

– Но это же его частное электричество, – отвечаю я. – У нас страна с рыночной экономикой. Что мы можем сделать?

– Присядьте! – просит Львович. Потом оборачивается к дежурному охраннику: – Что ты стоишь, как истукан, пойдй сделай кофе!

Пока охранника нет, Львович наклоняется в мою сторону и нервно шепчет:

– Это только начало! Вы поймите! Он снова начнет отключать должников. А кто у него главный должник – государство! Он и вас отключит! Он скупал облэнерго для того, чтобы в один момент отключить свет во всей стране, сделать себя президентом и снова включить свет! И вот. Вы представляете себе, что может произойти! А все потому, что все электричество в руках у одного человека!

– Но это же Федюк ему разрешил!

– Правильно, но президент Федюк сидит в тюрьме за нанесение ущерба государству... Кстати, может, вы все-таки подпишете изменения к указу?.. По поводу увеличения предельной суммы ущерба?

– Ты меня не запутывай! Два часа ночи! – злюсь я.

– Хорошо, хорошо! – Львович кивает. – Нам надо срочные меры.

– Предложения есть?

– Есть.

По выражению его круглого лица можно понять, что предложения могут вызвать у меня возражения.

– Надо собрать парламент, – осторожно говорит он.

– Когда? Сейчас?

– Сейчас. – Он смотрит на высокие напольные часы. – На четыре утра. Не весь. Всю оппозицию – она Казимира ненавидит – и центристов. Тогда голосов хватит. Вы выступите против планов Казимира и предложите законопроект.

– Какой?

– Я подготовил. «О производстве дешевого электричества и реструктуризации государственного долга за потребленную электроэнергию». Добавим туда статью о введении моратория на поднятие цен за электроэнергию до следующих президентских выборов. Пройдет! Голосов хватит.

Охранник возвращается в комнату. За ним – сонная горничная с кофейником.

– Собирай парламент! – говорю я Львовичу.

Он перезванивает кому-то из своих по мобильному.

– Слышишь! План «А»! – говорит он и дает отбой.

Я пью кофе и пытаюсь себе представить план «Б». Наверняка такой план существует, придуманный на случай моего несогласия с планом «А».

Нет ничего лучше, чем выступление перед сонным парламентом. Правда, и сам я немного сонный, но это делу не

вредит. В зале витает атмосфера повышенной ответственности. Ночные заседания могли бы здорово продвинуть страну в сторону Европы, но используем мы эту возможность крайне редко. Третий раз за два года.

Результат голосования превосходит мои ожидания. Указ принят и вступает в силу немедленно.

После заседания парламента меня отзывает в сторонку генерал Светлов. Он, оказывается, тоже не спит по ночам.

– Я дам приказ изъять все документы по неплательщикам за электричество, – предлагает он. – Тогда мы сразу выбьем у них из рук последние козыри!

– Молодец! Вперед! – напутствую его я.

От парламента стартуют три сотни «мерсов», «ягуаров», «лексусов», развозя все еще сонных оппозиционеров и центристов по домам. Я смотрю из окна второго этажа на это пчелиное движение. Красота! Желтые фары проводят по предрассветному сумраку красивые двойные линии. Машины словно летят на запах далеких цветов, они спешат за пылью. Они хотят быть первыми.

– Ну как? – раздается за спиной довольный голос Львовича.

Я оборачиваюсь.

– Великолепно! Проси чего хочешь! – полушутя заявляю я.

– Указик подпишите! Об увеличении суммы предельного ущерба.

Я вздыхаю, и вдруг мысли мои проясняются и становятся понятными и конкретными.

– Хорошо, – говорю я. – Только указ не будет иметь обратной силы – те, которые сидят по старому указу, останутся сидеть!

– Конечно, – разводит руками Львович. – Зачем их трогать! Главное ведь – будущее!

– И еще. – Мое лицо делается непроницаемо-серьезным. – Мне нужно срочно улететь с государственным визитом. До девяти утра! Разборки с Казимиром должны проходить в мое отсутствие!

Львович задумывается.

– Хорошо, – кивает он. – Поезжайте прямо в Борисполь. Я сейчас свяжусь с МИДом и с аэропортом. Самолет будет готов. Пока туда доедете, подберем страну для визита.

Черниговская область. Село Глуховка. Август 2003 года.

Шесть утра. После ночной грозы воздух пропитан озоном. Дышать – одно удовольствие. Мы с мамой сидим в старом «опеле». Дверцы машины открыты нараспашку. Но ворота дома-интерната № 3 для душевнобольных еще на замке. По крайней мере для посетителей. Души больных еще спят, и посторонних просят их до завтрака не беспокоить. Завтрак уже наверняка варится. Пять маленьких женщин без возраста уже прошли на территорию. Их пропустил охранник через будочку-проходную, встроенную между воротами и бетонным забором.

– Надо было позже выезжать, – говорю я маме.

Она вздыхает. Наклоняется вперед и достает из сумки, стоящей в ногах, мягкий пакет кефира. Отрывает уголок и прикладывает отверстие к губам. Потом передает пакет мне.

– Я каждый раз боюсь, что не успею, – говорит она наконец. – Дай бог, чтобы ты этого не понял!

Я слушаю и действительно не понимаю, что она имеет в виду. Дима вроде физически здоров. Это душа у него больная. Сама она, конечно, уже старенькая – семьдесят пять лет. Но ведь на здоровье не жалуется!

– Ты, кстати, мог бы взять машину получше, и с водителем! – Она поворачивается и смотрит на меня критическим

взглядом. Потом поправляет розовый платочек на голове. Осматривает себя тем же критическим взглядом – красная кофточка, длинная черная юбка.

– Ты бы могла получше одеваться, – говорю я. – А если бы я взял машину с водителем, то все министерство знало бы, что у меня брат в психушке!

В девять утра нам разрешают пройти на территорию. Первым делом я захожу к главврачу и оставляю на столе конверт с сотней долларов и свою визитку.

– Если какие-то проблемы – звоните!

Он кивает. В глазах – благодарность.

– Вы его на сколько дней забираете?

– На неделю.

Мама с Димой уже на улице. Она что-то говорит, а он повернул лицо к солнцу и сощурил глаза.

Я осматриваюсь по сторонам и вдруг вижу молодую женщину в странном фиолетовом халате. Волосы ухоженные. Лицо поразительной красоты. Тончайший профиль. Изящная. На ногах – серебристые армянские тапочки с загнутыми сверху носками. Рассеянный взгляд.

Я наблюдаю за ней с жадным интересом. А она медленно идет по траве. Сейчас она приближается, но еще пара минут – и она пройдет мимо. Эти люди здесь напоминают мне космические спутники – каждый идет своим курсом мимо звезд и планет и движение каждого – бесконечно.

Я делаю шаг к ней и негромко спрашиваю: «Вас как зо-

вут?»

Взгляд ее замирает. Она останавливается. Смотрит на меня немного озадаченно.

– Валя, Валя Виленская.

Я молчу, и она стоит рядом и молчит, словно ждет, что я продолжу разговор. Но что я могу у нее спросить? И пока я лихорадочно думаю, она отворачивается и продолжает свое движение по траве.

– Я сейчас вернусь! – кричу я маме и снова захожу в админкорпус.

У главврача в кабинете посетителей нет. В окно врывается яркий солнечный свет. На стене над столом – портрет Шевченко. На столе раскрытая папка с подшитыми документами и стакан чая. Он поднимает на меня глаза.

– Что-то забыли?

– У вас тут девушка, Валя Виленская, – говорю я. – Кто она?

– Легкая форма шизофрении. – Главврач пожимает плечами. – К ней раз в месяц сестра приезжает. Тоже красавица.

– Ее санитары не обижают? – внезапно для самого себя спрашиваю я.

– Что вы! Мы за этим следим.

Белый халат главврача и фиолетовый халат Вали Виленской остаются на территории дома-интерната. А мы в стареньком «опеле» едем назад в Киев. На заднем сиденье сидит счастливый Дима.

– По дороге где-нибудь пообедаем, – говорит мама. Потом поворачивается к брату: – Вам что на завтрак давали?

– Овсянку с вареньем.

– Как в Англии! – говорю я усмехаясь.

– А рыбу мы будем ловить? – спрашивает Дима. – Ты же обещал в прошлый раз.

– Будем, будем! На лимане знаешь как клюет! Забросил и сразу вытащил!

Я смотрю на него в зеркальце. Вижу его улыбку и думаю: «Хорошо устроился! Будто с жизнью договор о взаимном невмешательстве подписал!»

Киев. Октябрь 1983 года. Вечер.

А дожди льют и льют. Друг Женька с третьего этажа притащил видик и кассету с порнухой. Мама уехала к портнихе. Мы смотрим и удивляемся.

– У них такое каждый день по телику показывают, представляешь! – говорит Женька. – А у нас – программа «Время» и «Сельский час». Смотреть нечего!

На экране в бассейне плавает голышом немолодая грудастая женщина. Время от времени она подплывает к бортику и сама гладит свою грудь. При этом странно улыбается.

Я пожимаю плечами.

– А ты бы хотел все время вот такое по телику видеть? – спрашиваю я.

– Подожди, дальше интереснее будет! – обещает Женька.

Дальше на кассете почти то же самое, только под конец фильма появляется мужик, раздевается догола и тоже ныряет в бассейн. Сначала они говорят по-английски. Конечно, без перевода. Потом уже занимаются делом, но из-за воды практически ничего не видно.

Я снова пожимаю плечами. Смотрю вопросительно на Женьку.

– Это не та кассета! – извиняется он. – Мне другую обещали, а притащили эту.

Отключив громоздкий видик от телевизора, он уносит его вместе с кассетой. И я остаюсь один. В принципе не так уж и поздно, но за окном льет дождь, и кажется, что уже ночь и что она никогда не закончится.

Воздушное пространство Украины. Октябрь 2014 года.

Ночь.

Экипаж президентского авиалайнера явно напряжен. За последние полчаса командир экипажа подходил ко мне дважды.

– С земли никакой команды нет, – докладывал он. – Что делать?

– Продолжайте кружить над Киевом. Команда будет!

Две стюардессы – молоденькие блондинки – уже успели накраситься. Красились они по очереди в туалете. Теперь стоят в хвосте салона и нервно шепчутся. Видимо, им передалось волнение пилотов. Но пилоты-то хоть мужики умные. Понимают, что что-то здесь не так. Думают, наверно, что пока мы кружим в ночном небе, на земле военный переворот или еще что-нибудь в этом роде. На самом деле маленький переворот совершили мы с Колей Львовичем. Конечно, Казимир мог бы попытаться совершить антипереворот, но я надеюсь, что он еще спит и ни о чем не знает.

Я поднимаюсь с кресла. Прохаживаюсь задумчиво по широкому проходу, застеленному чистенькой ковровой дорожкой. Дохожу до стюардесс. Они замолкают. Смотрят на меня ожидающе.

– Куда хотите полететь? – шутливо спрашиваю я.

– В Турцию, на море, – отвечает девушка слева. Она посмелее своей подруги.

– В Турцию? – Я смотрю себе под ноги, потом на стройные ножки стюардесс. Они это замечают.

Снова поднимаю глаза.

– Может, и полетим. Я подумаю! – Разворачиваюсь и иду прогулочным шагом к кабине.

Дверца в кабину открыта. Там горит множество маленьких лампочек – синих, красных, зеленых. Дальше, за стеклом – полная темень.

Командир экипажа выходит мне навстречу.

– Господин президент, есть команда! Летим в Монголию!

– В Монголию? – Я удивлен. Лучше бы действительно в Турцию. Она тут рядом, за морем.

Через час я узнаю, что срочно собранная делегация представителей отечественного бизнеса летит за нами вслед на втором президентском самолете. Там же Коля Львович. Хорошо, когда президент в стране один, а президентских самолетов два, думаю я, перед тем как заснуть под монотонное жужжание двигателей авиалайнера.

Киев. Июнь 2015 года. Воскресенье.

– Может, поедете в Кончу? Отдохнете? – беспокоится помощник.

Он стоит в дверном проеме моего кабинета в официальной резиденции на Десятинной. На улице жара, и только три бесшумных кондиционера удерживают в квартире приятную прохладу. От одного взгляда в окно мне становится жарко. Жарко и неприятно.

– Нет. – Я смотрю на помощника и пытаюсь придумать ему задание, чтобы он больше не беспокоил меня. – Знаешь что, есть у меня к тебе просьба. Чтобы, конечно, никто не знал.

Помощник весь вытягивается в струночку, дотронься – зазвенит. Даже, кажется, на носочки привстал, чтобы лучше слышать.

– Возьми машину и найди где-нибудь килограммов двадцать хорошего льда. Привезешь сюда, понял?

Помощник кивает и освобождает дверной проем. Движение прохладного воздуха через проем возобновляется.

В полдень приходит врач. Слушает сердце, легкие.

– Может, виски? – спрашиваю я.

– Мне нельзя, – вздыхает врач. – Печень!

– А мне можно? – спрашиваю.

– Можно, постепенно увеличивая дозы. Сердце подскажет, когда надо будет остановиться. Чужое сердце чувствительнее своего. Да и человеку свойственно слушаться неродных органов. У меня ведь печень тоже не моя, пересаженная от человека, бросившего пить. Поэтому и пить не могу.

Я смотрю на врача. Сегодня он мне нравится – человеческий, видимо легкоранимый, такой же, как и я, состоящий из своих и чужих органов.

– А как же вы расслабляетесь? – любопытствую я.

– А как в анекдоте – я не напрягаюсь, – усмехается врач. – Если серьезно – ловлю рыбу, собираю грибы и спаиваю друзей.

Последние слова меня заинтересовали.

– Спаиваете, а сами не пьете?

– Точно. Они пьют и говорят, а я подливаю и слушаю.

– Интересно!

– Можете застегнуть рубашку. Все в порядке. Главное – держать голову в холоде, не горячиться. Проблемы могут возникнуть только от нервов или от резкого возбуждения. Так что и в восторг приходить вам не рекомендуется.

– Я – человек спокойный.

Охранник уводит врача к выходу, а в дверях кабинета снова появляется помощник.

– Лед куда? – спрашивает он.

– В ванну, – отвечаю я.

– Весь?

– Весь.

– А потом?

– Потом позовешь меня.

Через пять минут мое уставшее от жары тело обжигает холодом лед. Он покрывает все дно ванны-джакузи. Я лежу на нем, как на углях, минут пять. Потом включаю холодную воду, и она струями ударяется в мое тело, начинает вымывать из-под меня ледяные кубы и кубики, закручивать их в водовороты.

– Эй! – кричу я помощнику, и он тут же заглядывает в ванную комнату.

– Виски, – говорю ему.

– Со льдом?

– Без.

Странное это удовольствие: виски отдельно, лед отдельно.

Хочется чего-то еще, чего-то стихийного, способного вызывать в теле резонанс.

Я прошу помощника включить музыку. Он знает мой вкус и уже ориентируется в моем настроении. В этом умении ему не отказать.

«О, если б мог выразить в звуке!» – опускается из встроенных в потолок динамиков мужественный бас Федора Шаляпина. Вот он, резонанс тела. Я ощущаю легкую дрожь – доказательство, что я слушаю и слышу этот голос не только ушами, но и всей кожей, всем своим охлажденным в ванне со льдом естеством.

«Интересно, он бил женщин? – думаю я о Шаяляпине. – Наверняка бил! Под горячую руку. Конечно, бил только самых близких, любимых. В гневе и в страсти. Это было бы красиво – увидеть вживую разгневанного Шаяляпина, заносающего сильную руку над испуганной хрупкой женщиной, готовой упасть перед ним на колени и просить прощения даже за то, чего не совершала».

– Вам письмо, – врывается в мое расслабленное воображение голос помощника.

Письмо? Я смотрю на длинный конверт с надписью «Господину президенту».

– Кто принес?

– Начальник охраны передал. Сказал, что нашел на полу.

– Принеси еще виски!

Он уходит, а я вскрываю конверт, и глаза мои округляются. Я уже десять лет, должно быть, не видел, чтобы кто-то писал от руки. Слово давно стало печатным. Буквы, граенные, как старые стаканы, выстраиваются в любые предложения, вплоть до предложений руки и сердца. Для эмоциональных писем есть особый «нервный» шрифт, для гневных – специальный, «надутый» и надменный.

«Дорогой президент!

Я надеюсь, что Вы поправляетесь и скоро согласитесь повидаться со мной. Мне это очень важно. Хотя сейчас я довольствуюсь и теми пятью метрами, которые разделяют нас по ночам.

Желаю Вам внутреннего равновесия и благожелательности к окружающему миру.

Искренне ваша Майя Войцеховская».

Письмо проехалось по мне, словно трактор. Я лежал в джакузи, обезоруженный наглостью этой дамы. Ее почерк отсылал мою память в первый класс средней школы, где в тетрадке в косую линейку я учился правильно «наклонять» буквы, чтобы выработать почерк да и вообще просто научиться писать.

– Ваше виски! – пропел над головой помощник.

Я взял второй стакан. Поставил его на бортик ванны и, выловив в воде два кубика льда, бросил их в виски.

– Узнай, где и кем было найдено письмо. Узнай и доложи!

Я пил виски, смотрел на эту рыжеватую жидкость и сравнивал ее цвет с цветом моих веснушек. Когда допил, вывернул ступню, и посмотрел на нее – веснушки были и там.

Киев. Октябрь 1983 года.

Без четверти восемь. Вечер. За «шестнадцатыми» домами готовится драка. Не обычная, а почти ритуальная – «стенка на стенку». С нашей стороны – человек пятьдесят. Наша сторона – это ребята из «шестнадцатых» и «восемнадцатых» домов. Плюс десять пацанов, живущих возле школы № 27. Большинству бойцов – лет шестнадцать-семнадцать. Мне – 22. Я – штабной. Мы с Женькой думаем о стратегии и тактике.

– Дай трешку, я схожу за портвейном, – к нам подбегает Витя Лысый. – Гастрик закроеся!

Я нехотя достаю трешку. Витя Лысый убегает. Шумит ветер. Наш то-ли-парк-то-ли-сад раскачивается кронами и тоже шумит. Где-то далеко гремит гром.

– Знаешь, – шепчу я Женьке, – оставайся за меня. А я сбегаю за подстраховкой. Скажи нашим, чтобы цепи доставали в самом конце и в крайнем случае. Только если увидят, что «круги» дерутся нечестно!

Как разведчик, я тихонько прохожу мимо толпы «кругов» – наших соперников с улицы Щербакова. Замедляю шаг, прислушиваюсь.

– Прутами по ногам! – доносится до моих ушей. – Потом ногами замесим.

Я возвращаюсь к Женьке.

– Слышишь, дело серьезное. У них железные пруты. Скажи ребятам, чтобы сразу били цепями. По ногам.

Через пятнадцать минут я, запыхавшись от бега по темноте, залетаю в милицейский райотдел.

– О! А ты чего здесь? – окрикивает меня из окошка дежурного лейтенант Марат Гусейнов.

Я просовываю голову в окошко.

– Щас месиво будет, стенка на стенку. Между «шестнадцатыми» и садом. У «кругов» – железные пруты.

– А у твоих?

– Цепи.

– Пруты тяжелее, – задумчиво кивает лейтенант. – Так что, предлагаешь спугнуть?

– Не сразу. Минут десять надо подраться, чтобы посмотреть, на чьей стороне сила, а потом – спугнуть.

Лейтенант Гусейнов поднимает голову и смотрит на настенные часы в дежурке.

– Через полчаса футбол. «Динамо» Киев – «Динамо» Тбилиси. Надо бы успеть.

– Я побежал! – говорю я. – Через пятнадцать минут!

– Ладно, – спокойно кивает лейтенант, и рука его тянется к толстой белой клавише на громоздкой мини-АТС.

Драка начинается почти спонтанно. Со стороны «кругов» в толпу наших ребят летит половинка кирпича. Кто-то кричит от боли, и тут же вся рать, вытащив цепи и раскручивая

их, мчится на противников. С балкона третьего этажа ближайшего дома всматривается в драку мужик в белой майке. Всматривается, перегибаясь через перила, и кричит: «Вызовите милицию! Кто-нибудь! Вызовите милицию, у меня нет телефона!»

Со стороны общежития овощной фабрики выплескивается на дерущуюся толпу свет автомобильных фар. Слышна милицейская сирена.

Я пытаюсь понять, кто побеждает, но не могу. Приходится все время уклоняться от ударов. Уже два раза прут пролетал над моей головой. «А еще говорили "по ногам"», – возмущаюсь я двойной нечестностью противника.

– Менты! – кричит кто-то.

И драка начинает распадаться, рассыпаться, растворяться в темноте.

Ментовский «газон» едет медленно. Ясно, что они никого не хотят ловить. Если поймают – надо составлять протокол, сажать в клетку. А футбол?

Из-за ствола старой вишни я наблюдаю за опустевшим полем боя. Два милиционера в свете фар поднимают с земли пруты и цепи. И вдруг оба поворачивают головы в сторону куста орешника. Оттуда слышен стон.

«Кто это может быть? – нервно думаю я. – Не дай бог кто-то из наших!»

Менты вытаскивают парня из-под куста и подводят к машине. При свете фар осматривают и ощупывают ему голову.

Это же Белый! Сын учительницы!

Я выхожу из-за дерева. Иду к машине.

– Это Вася Белый, – говорю ментам. – Давайте я его домой отведу!

– А ты кто такой? – спрашивает озадаченный прапорщик с побитым оспой лицом. – Ты что, тоже из этой банды?

Я всматриваюсь в лицо второго мента – тоже незнакомое.

– Давай их обоих в машину! – командует прапорщик.

«Газон» разворачивается, и мы с Васей молча смотрим, как остаются позади ребра хрущевских пятиэтажек, деревья сада-парка, общага овощной фабрики.

Я напряжен. Мне кажется, что это какие-то другие менты. Может, этих вызвал кто-то из «кругов»? А мои просто забыли?

Но «газон» подъезжает к знакомому, много раз подметенному мною райотделу.

Там уже нас встречает Гусейнов. Васе на разбитую голову выливают пузырек зеленки, и потом мы вместе с ментами смотрим футбол.

После первого тайма счет 2:1 в нашу пользу.

Киев. Сентябрь 2003 года.

– К вам Сергей Дмитрич, – заглядывает в приоткрытую дверь моя секретарша.

Я киваю, и в кабинет проходит Догмазов. Двухметровый доктор исторических наук, президент фонда «Интеллектуальные ресурсы». Помню, как мне пришлось делать его визитке обрезание – иначе она не помещалась в окошко визитницы. На визитке было перечислено такое множество званий и должностей, что пока я дочитывал последние, первые уже забывались.

Но это ничего. Это амбиции. Всю жизнь достигал, теперь наконец достиг. Пусть все знают, чего он достиг!

– Сергей Палыч, – улыбается он, – к вам теперь и не пробиться. Две недели звонил. То вы в Страсбурге, то в Брюсселе! Не устаете?

– Рад бы, да не получается, – улыбаюсь я. – А ведь не устанешь – не отдохнешь. Вот и отдыхать не получается по-настоящему.

– Ну, я думаю, это не проблема! – усмехается он. Усаживается в кресло для посетителей к приставному столику.

Традиционное начало любого делового разговора. И чем он деловитее, тем дольше длится игривое вступление.

– Как ваша мама? Выздоровела?

– А вы все знаете! – удивляюсь я. – Да. Пришлось потратиться на лекарства, но ведь сами понимаете.

Он кивает. Я мельком бросаю взгляд на часы. Очень не хочется, чтобы разговор затягивался. У меня на сегодня есть еще и другие планы.

– Вам тут не тесно? – Сергей Дмитрич осматривает мой просторный кабинет.

– Да нет, вполне уютно, – говорю я, а сам думаю: это проверка на сытость или предложение подняться еще на одну ступеньку вверх?

Следующая ступенька мне не нравится. Сейчас я замминистра. Замминистра живет обычно дольше, чем министр. Да и не большой я любитель прожекторов государственной славы. Мне и при моей свечке хорошо.

– А мне казалось, что эта работа вам не позволяет раскрыться до конца. Я же разбираюсь в людях. Вижу, кто слишком мелкий для выполнения поставленных задач, а кто – слишком крупный. Так вот вы покрупнели в последнее время.

– Может, кофе?

Он кивает. Я прошу Нилочку, свою секретаршу, порадовать нас крепкой арабикой.

– У нас на Банковой есть вакансия, – полушепотом вдруг сообщает он. – Деньги те же, но радостей больше. И ответственности, конечно. Вы подумайте, а я вам перезвоню. – Он достает из кармана электронную записную книжку. Прого-

няет по монитору какие-то записи. – В среду, в одиннадцать!

Кофе Догмазову кажется слишком крепким, и он вбрасывает в чашечку три ложки сахара.

– Знаете, – улыбается он, – у нас в роду все любили и любят сладкое, и ни одного случая диабета!

Сергей Дмитрич уходит, снова оставив на приставном столике свою визитку. Интересная у него привычка! Прямо как в детективе каком-нибудь! Или в фильме моего детства «Фантомас».

Я беру визитку в руки. Сначала хочу бросить в урну для бумаг, но рука замирает над пластиковой урной. Уборщица убирает мусор, но куда она его выносит? И не попадет ли эта визитка кому-нибудь на стол? Нет, я не должен забывать, что чем ближе к солнцу, тем горячее.

Я просматриваю бесконечный перечень должностей и званий. Кажется, что-то добавилось. Вот это – «Академик Европейской Академии Управления». Ладно.

Я достаю визитницу и вставляю в ее окошко сломанную пополам новую визитку Догмазова. Поверх старой.

– Сергей Павлович, – заглядывает Нилочка, – вы Васе приказали к трем подать машину. Он уже ждет.

– Сегодня меня уже не будет, – говорю я секретарше на ходу.

Светлану Виленскую я узнаю сразу. Она так похожа на сестру.

Она сидит за столиком в ресторане «СССР» за Печерской

лаврой и ждет меня. Главврач дома-интерната молодец! Он сделал все так, как я просил. А попросил я связаться с ней и сказать, что есть человек, который готов помочь ее сестре. В медицинском смысле. И она позвонила сама. Это главное. Не я позвонил, чтобы набиваться на встречу, а она!

– Извините, я опоздал. – Я опускаюсь на стул рядом. – Служба! Вы что-нибудь будете?

Тут же возле нее оказывается официант в пионерском галстуке. Предлагает меню.

Мы берем по салату и по бокалу «Муската белого камня». Ей – лет тридцать пять. Даже трудно сказать – она старше Вали или младше.

– Знаете, мой брат тоже живет там, в Глуховке, в доме-интернате. Главврач сказал, что у вашей сестры и моего брата схожие диагнозы.

Она внимательно смотрит на меня. Очень внимательно. Коротенький модный жакетик расстегнут. Под ним – облегающая шерстяная кофточка. Я соскальзываю на мгновение взглядом вниз – джинсы-дудочки и остроносые туфли из мягкой кожи. Тоже коричневые.

– Ваш брат там давно? – спрашивает она.

– Сначала он был под Киевом, а три года назад его перевели в Глуховку. А Валя?

– Валя недавно. Второй год. Николай Петрович говорил.

– Да, когда он рассказал о схожести диагнозов, я подумал, что, может, попробовать эту новую методику одновремен-

но?.. Вы понимаете, о чем речь? Я – не врач, тем более – не психиатр. За что купил – за то и продаю, извините за выражение. Цветотерапия. Говорят, немцы изобрели. Подбирают индивидуальный успокаивающий цвет, потом второй цвет, стимулирующий акцентируемое внимание к реальности. Поселяют на время курса в специальную лечебную квартиру, оформленную в этих двух цветах, и корректируют психику.

– У меня есть деньги, – спокойно говорит Светлана. – Главное, чтобы это помогло.

– Деньги могут не понадобится. Я попробую через Минздрав договориться. Это новая клиника, она только что получила лицензию. А вы чем занимаетесь?

– Медом, – говорит она. – Экспортом меда.

– И как?

– Не хватает. – Светлана вздыхает. – Меда не хватает. Можно было бы продавать тонн на триста больше.

– Так вы не против моего предложения? – спрашиваю я.

Она согласна.

– Тогда, пожалуйста, оставьте вашу визитку, и я буду держать вас в курсе, – говорю я и внутренне раздражаюсь своему внезапному косноязычию.

«Светлана Виленская

Т. 210-00-01

Ф.210-00-02»

Непривычно видеть визитки, на которых кроме имени, фамилии да телефонных номеров ничего больше не указано.

Что это? Признак скрытности природы?

Москва. Октябрь 2014 года.

Лететь в Монголию и не залететь хотя бы на обратном пути в Москву было бы просто глупо. Тем более, что Россия всегда хочет знать стратегические планы соседей.

– А каким образом Монголия может стать стратегическим партнером Украины? – искренне удивляется вице-спикер Госдумы. – Что вы там кроме кожи найдете?

– Наша делегация подписала семьдесят два контракта, – не без гордости отвечаю я. – Да, из них половина по коже и кожевенной промышленности. Но вы же понимаете, что через вашу голову далеко не прыгнешь. Поэтому контракты по коже открыты также и для российского бизнеса.

«Откуда они берут таких медведей? – думаю я, глядя на вице-спикера. – Гитлер мечтал о таких немцах, а не получились! Чистый ариец – двухметровый блондин с синими глазами и русой бородкой!»

Шея устала от напряжения. Да и просто неприятно задирать голову, когда говоришь с низшим, в общем-то, по должности. Лучше бы сесть.

– Давайте присядем, – говорю я, показывая, что устал. Сам он явно не собирается предложить присесть.

– Да-да, – русский ариец кивает, оглядывается по сторонам. – Пойдемте в переговорную. Каминная гостиная занята

– там премьер с немецким канцлером встречаются.

«Переговорная» – это их жаргон. Просто небольшая гостиная, каких в Кремлевском дворце полтора десятка. Правда, кресла кожаные, да и обслуга тут как тут – подтянутый парень в строгом черном костюме.

Вице-спикер ему кивает, и уже через пару минут на столе появляется огромная ваза со свежими фруктами и минералка, а к ней хрустальные бокалы.

– А что это у вас в Киеве за переполох был пару дней назад? – неожиданно спрашивает вице-спикер.

– Переполох? Вы про ночное заседание парламента?

– Да, господин президент.

– Обычное принятие срочных решений, – отвечаю я и вдруг понимаю, что никто мне уже второй день не докладывал об обстановке в стране. – Но теперь-то все спокойно? – полуспрашиваю-полуутверждаю я.

– Да, сработало! – Вице-спикер одобрительно покачивает головой. – Толковое решение!

Меня внезапно отпускает. Настроение улучшается, и уже не кажется мне этот русский ариец таким огромным. Даже наоборот. Теперь мы оба сидим, мне захотелось яблока. Я беру самое большое из вазы. Не нахожу взглядом ни фруктового ножа, ни блюдца. И просто подношу яблоко ко рту и кусаю. Яблоко хрустит на всю гостиную. На лице вице-спикера – изумление. Он словно не ожидал такой смелости от своего гостя.

Доев яблоко, я предлагаю ему подумать об открытии парочки совместных заводов по обработке кожи в свободной приграничной зоне под Харьковом.

Он гарантирует встречные предложения в течение недели. На этом и расстаемся.

Второй президентский самолет с делегацией представителей украинской бизнес-элиты уже улетел в Киев. А наш только вырывается на взлетную полосу.

В кресле напротив сидит Коля Львович. В руках – стакан с минералкой.

– Да, господин президент, – говорит он, – я забыл доложить. Дома все в порядке. Народ одобрил указы по дешевому электричеству. Даже демонстрация в поддержку прошла!

– Ну а с Монголией? – спрашиваю я. – Как ты думаешь? Получится?

– Им нужен выход на европейский рынок меха и кожи. Конкурент у них один – Турция. Украина ближе к Европе, чем Турция, а рабочая сила стоит столько же. Да и наш рынок не такой уж слабый. По приблизительным подсчетам, потенциальные продажи – 3–4 миллиарда долларов в год, плюс к этому пять – шесть тысяч новых рабочих мест.

– Да, хорошо, – вздыхаю я, понимая, что устал.

Самолет тяжело отрывается от русской земли. Магниты у них там закопаны, что ли? Быстрее бы домой и в люльку, думаю я.

Киев. Октябрь 2003 года.

Сергей Дмитриевич Догмазов в своей черной «Волге» возит меня по каким-то офисам и представляет разным людям, которых я никогда прежде не встречал. Я чувствую себя как невеста на выданье. Хорошо хоть не просят покрутиться-повертеться и зубки показать. Следующий офис – в начале Владимирской. Квартира на третьем этаже. Бронированная дверь без номера и вывески. Встречает охранник в камуфляжной форме, потом появляется молодой человек в костюме с галстуком и проводит нас длинным коридором – очевидно, раньше это была коммуналка. В конце коридора – просторный кабинет, стены которого увешаны дипломами в рамках. За полированным столом – лысоватый и немного сутулый человек. Ему лет пятьдесят. На толстых пальцах – два массивных перстня. Руки лежат перед ним на столе, поэтому перстни очень хорошо видны. А рядом с руками – большой калькулятор.

– Вот, я вам говорил, помните? – Догмазов останавливается перед хозяином кабинета и показывает взглядом на меня. – Это Сергей Павлович Бунин.

– Красивая фамилия, – кивает лысый. – Где-то я ее слышал.

Он явно пытается вспомнить, но потом отвлекается от мо-

ей фамилии и внимательно смотрит мне в глаза.

– Вы достаточно гибкий человек? – спрашивает он, одновременно как бы отодвигая лицо и свой взгляд немного в сторону, словно пытается рассмотреть меня в профиль.

– Достаточно, – говорю я.

– Через пять лет вам будет меньше пятидесяти?

– Да.

– У вас нет хронических заболеваний?

– Нет.

– Ну хорошо. – Он переводит взгляд на Догмазова. – Завтра поговорим.

И на этом встреча заканчивается. Это была восьмая встреча такого рода.

– Вас домой или на работу? – спрашивает Догмазов на улице.

– Домой.

Киев. Июль 2015 года. Понедельник. 7 утра.

На столике в гостиной – серебряный кофейник и серебряная ваза с теплыми пирожками. Я наливаю кофе в чашечку из мейсенского фарфора и слушаю звон колоколов Андреевской церкви. Звонят в колокола по моей просьбе. В такое солнечное утро хочется чувствовать себя поближе к Богу. Хочется чувствовать его одобрение.

Нет, я не стал истинно верующим, но перестал быть атеистом. Я понял, что важность церкви и важность веры – это две разные важности. Церковь – часть государственной системы, очень важная во время выборов. Вера – это повод и стимул для верующих избирателей доверять церкви. Я уже не говорю о том, что церковь – это красиво, это как иностранный театр, в котором ничего без перевода не поймешь, но зато у глаз никаких претензий!

Кстати, о театре. Послезавтра – встреча со скульптором Здобой. Это приятная часть внутренней политики. Президент должен проявлять заботу об искусстве.

Кофе ненавязчиво горчит. В дверях появляется помощник. Лицо напугано – сразу понятно, кто пришел.

Коля Львович все-таки извиняется за столь раннее вторжение.

– В России ЧП, – говорит он. – Я думаю, вам важно знать.

– Говори!

– Ночью похищен губернатор Приморского края с пятью заместителями и двенадцатью начальниками отделов.

– Ничего себе! – удивляюсь я. – А зачем мне об этом знать?

– Восемь из похищенных – этнические украинцы. Если их выкрали чеченцы – можно вступить за них и поиграть с Россией в игру «Кто лучший негодяй?»

– Но паспорта-то у них все равно российские, – размышляю я вслух. – Зачем нам в это дело вмешиваться?

– Но я буду держать вас в курсе. Россия ценит помощь в таких ситуациях.

– Хорошо, будешь докладывать, – соглашаюсь я.

Странно, но ранний визит Коли Львовича не портит мне настроения. Хотя колокольный звон и появление главы администрации – вещи диаметрально противоположные. Но новость, принесенная Колей Львовичем, кажется мне интересной, и я прошу помощника срочно разыскать генерала Светлова.

Через двадцать минут мы уже пьем кофе вместе с генералом.

Мои добрые подозрения оправдались – вся эта «приморская» команда сейчас летит к нам в Украину. Это первый результат операции «Чужие руки». В этот раз руки были украинскими.

– Мы построили для них небольшую тюрьму в Карпатах,

в горах. На триста человек, – докладывает генерал. – Строили турки. Как гостиницу. Так что условия в ней отличные. Периметр и службы достраивал стройбат.

– Так мы скоро для России Кубой станем, – усмехаюсь я.

– Почему? – не понимает Светлов.

– Кубой для российского «талибана». Шучу, – добавляю я, понимая, что шутка моя не прошла.

– Надо подготовить список для их спецкоманды. Регион я уже выбрал – Запорожье. Самое время наводить там порядок.

– Наводи. А замена на освобождающиеся посты подготовлена?

– Да. В основном из бывших наших.

– Это хорошо, только ты и на «пехоту» обрати внимание. А то мне потом военные скажут: «Почему вы только чекистам доверяете?»

– Есть и военные. – Светлов пожимает плечами. – Хорошо, парочку возьмем.

– И пирожок возьми. Свеженький. – Я показываю взглядом на серебряную вазу. – И я возьму.

Мы оба жуем нежные пирожки с клубникой, запиваем кофейком, и я думаю, что понедельник может быть лучшим днем недели, если его правильно начинать – с колокольного звона.

Киев. 31 декабря 1984 года.

Ну и метель! Идешь не по улице, а сквозь стену колючего, бьющего в глаза снега. К тому же темно, и уличные фонари видны, только когда подходишь к ним. Они похожи на сказочные цветы – желтый шарик на бетонном стебельке. Снизу вверх посмотрел – увидел, а отошел и оглянулся – снег в глаза, а за снегом – темень.

Я поднял воротник овчинного кожуха. Воротник высокий. Впритык к кроличьей шапке-ушанке. Только глаза мои открыты снежным атакам. Но я потерплю.

У меня в сумке – две бутылки коньяка и одна кипрского муската с красивым названием «Люэль». А иду я к ментам в райотдел. Праздновать Новый год. Выбора особого и не было. Месяц назад приятеля Женьку забрали в армию. Продавщица овощного, с которой вроде бы намечался романчик, напугала меня страшно просьбой познакомить ее с моими родителями и отпраздновать Новый год в моей семье. Что-бы не убежать с позором, я придумал у себя подозрение на сифилис. И она срочно уехала праздновать к себе на родину в Винницу. Это было неделю назад. А сейчас я с ужасом думаю, как это я вообще мог с ней познакомиться, с этой Ритой? Пьяный, что ли, был?

И вот оказалось, что только менты мне рады. Оно, конеч-

но, понятно. И я им понятен. Даже подписал какие-то там бумажки, будто согласен быть внештатным сотрудником милиции и принимать в чем-то участие. Но это им для отчетности. У них в конце года оказалась нехватка учтенных осведомителей. Помня об их помощи во время разборок с «кругами», я согласился улучшить их отчетность. И вот – награда. И Гусейнову как раз старшего лейтенанта присвоили.

Уже в райотделе, приняв из моих рук принесенные бутылки, сержант Ваня прячет их в общий холодильник. И они звенят, ударясь о бока стоящих там бутылок шампанского и водки. Десять вечера.

Я помогаю составить вместе два письменных стола, и получается большой стол-квадрат.

– А скатерть? – спрашиваю я.

– Будет тебе скатерть! – весело отвечает сержант Ваня. Он убегает и возвращается с огромной целлофанированной политической картой мира.

Застилает ею стол. Конечно, это не скатерть, ее края не свисают, как положено. Но стол она закрывает, и это главное.

В одиннадцать садимся. Сидеть неудобно. Боком приходится сидеть. Коленки трутся о ящики письменного стола.

Политическая карта мира покрывается нарезанной колбасой, салом, хлебом, бутылками и стаканами. Еще один сержант, знакомый мне только лицом, приносит двухлитровку салата «оливье».

Без четверти полночь мы уже пьяные и веселые.

– Забыли! – Гусейнов вдруг хватается за голову. – Как Новый год встретишь, так и проведешь!

Он вскакивает со стула и пружинящим шагом выходит. Синяя форменная рубашка у него расстегнута почти до пупка. Здесь действительно жарко.

– Быстро! Быстро! – слышен голос Гусейнова.

Кого это он подгоняет? Я оборачиваюсь к двери и вижу двух входящих девушек, сильно накрашенных и не сильно одетых.

– Так, бабочки мои, – командует Гусейнов. – К столу! Как это мы про вас забыли!

Девушки оказываются проститутками, арестованными утром в местном притоне. Выясняется, что их было пять, но трех забрали в Ленинский РОВД, и я теперь понимаю – почему.

– С кем Новый год встретишь, с тем и проведешь! – Сержант Ваня наливает «бабочкам» водки. – Давайте, родимые, догоняйте нас! Впереди шампанское!

«Бабочки» опустошают стаканы и закусывают кусочками сала. А Гусейнов уже открывает шампанское. Потом включает телевизор. Как раз вовремя – перед ударами курантов.

– С Новым годом! – мощным басом говорит телевизионный диктор, спрятавшийся за картинку зимнего Кремля.

Праздник идет по нарастающей. Алла Пугачева поет про начинающего волшебника, а «бабочки» по убедительной просьбе уже старшего лейтенанта Гусейнова раздеваются до-

гола и забираются на стол. Танцуют.

Ваня снова наливает мне водки. А девчонкам – моего коньяка.

Я пытаюсь возмутиться. Как это – проституткам коньяк, а мне «белую»!

– Смотри, – кивает на девчонок сержант Ваня, – у них знаешь, какая тяжелая жизнь? Пускай порадуются хоть в праздник. Они – это народ. Ты – не народ. Это их постоянно е...т, а не тебя.

Его пьяное варняканье начинает меня раздражать, но после очередного стакана водки я понимаю, что он прав. И соглашаюсь с ним.

К четырем утра крашенная блондинка Соня уже сидит у меня на коленях, и я вижу в ее глазах красивый розовый туман. Розовый потому, что глаза у нее красные и расфокусированные.

Гусейнов заваривает чайник чифиря и приводит нас в чувство.

– П...дец, – говорит он, устало мотая головой. – Праздник закончен! Надо убираться, а то еще майор нагрянет!.. Девчонки! Амнистия! На хер отсюда. Протокола не будет, но телефончики оставьте! Ты, – он поворачивается в мою сторону, – бутылки и мусор в кулек, и спасибо за компанию.

Я пытаюсь встать. Получается, но с трудом.

Первое утро 1985 года кажется удивительно свежим, как свежайшая докторская колбаса. Город отгулял и заснул. В

свете уличных фонарей искрится снежная корка улиц и газонов.

В голове у меня шампанское, в ногах – водка, а в душе – чувство радостной невесомости. Словно на самом деле меня подняли и понесли. Понесли в светлое будущее.

Киев. Октябрь 2003 года.

Солнце слепит прямо в глаза и мешает вести машину. Мой старенький «опель» два дня назад прошел профилактику и бежит по трассе, как новенький.

– Конечно, тридцать пять тысяч – это много, но если перевести швейцарские франки в евро – получится раза в полтора меньше. – Я бросаю взгляд на Светлану. Ее красивое лицо выражает спокойствие.

– Нет, это немного, – говорит она.

А мне, собственно, смысл ее слов не так важен, как музыка ее голоса. Хотя через пару мгновений я радуюсь и сказанному. Мне-то вытащить из кармана такие деньги и выложить их за год пребывания брата Димы в швейцарской клинике тяжело, если не сказать – больно. Но надо учиться быть великодушным. Надо брать пример с Виленской. Неужели мед – это такое прибыльное дело? Вот куда мне надо было идти, а не во власть. Хотя кто сказал, что власть – не мед?

За тридцать километров до Глуховки в желудке начинает урчать. Светлана соглашается перекусить.

Придорожное кафе «Курени». Перед ним – два трейлера. Внутри – два дальнобойщика за одним столом и запах борща с пампушками.

– Как можно выжить с такими ценами? – удивляюсь я,

читая меню. Перевожу взгляд на Светлану.

– У народа нет денег, – пожимает плечиками Виленская. – Поэтому и мелкий бизнес бедствует. Мне салатик из капусты и апельсиновый сок.

– И все? – Я смотрю на часы. – Обедать ведь надо!

– Я всегда так обедаю.

Себе я беру борщ без пампушек и гречку с котлетой.

Разговор за едой как-то не завязывается. Мы просто поглядываем друг на друга и обмениваемся репликами.

Кофе пьем уже в кабинете у главврача. Он немного удивлен новостью.

– А цветотерапия? Вы же говорили – три сеанса?

– Редкий случай, – пересказываю я слова психиатра из частной клиники. – У обоих – полное безразличие к цвету. Есть только отрицательная реакция на красный и оранжевый. Эти цвета «забивают» их в угол. Остальных они не замечают.

– Ну, это нормально, – успокаивает нас главврач.

– Что нормально? – удивляюсь я.

– Для них нормально – не замечать цвета. Для них не замечать – это норма.

Светлана Виленская молча пьет растворимый кофе. Смотрит на покрашенный коричневой краской деревянный пол в кабинете. Думает.

Главврач подходит к окну и вдруг оборачивается к нам и манит нас жестом.

Скамейки, травка. Прогулочная территория дома-интерната № 3. По травке медленно и молча гуляют Дима и Валя Виленская. Мне кажется, что они держатся за руки.

– А что это значит? – спрашиваю я. – Они что, могут... иметь отношения?

– Может возникнуть привязанность, – кивает главврач. – Покрепче, чем у здоровых людей...

Мы со Светланой обмениваемся быстрыми взглядами.

– Кстати, у нас уже было два таких случая, когда привязанность приводила к полному психическому выздоровлению, а потом проходила.

– Проходила? – переспрашивает Светлана Виленская.

– Да. Она возникает как лекарство, но действует только на время заболевания. Пациенту возвращается цельность натуры и цельность восприятия мира.

Я слушаю главврача и продолжаю наблюдать за Димой и Вале. На Диме – синий шерстяной спортивный костюм. На Вале тот же длинный, до лодыжек, фиолетовый халат. Они вдруг останавливаются и поворачиваются друг к другу. Смотрят в глаза. Мне кажется, они сейчас поцелуются. Мне даже этого хочется, хотя и неприятно оттого, что поцелуй увидит главврач. Вот если бы у окна сейчас стояли только мы со Светланой! И увидели бы их поцелуй! Возможно, мы могли бы почти сознательно повторить их взгляды и движения.

Но Дима и Валя просто смотрят друг другу в глаза. Они неподвижны.

– Они дополняют друг друга, – говорит главврач. – Цветотерапия хоть и не помогла, зато познакомила их. Теперь они настраиваются на волну единого восприятия окружающего мира.

– А когда едят, они вместе садятся? – спрашивает вдруг Светлана.

– Да, друг против друга.

Я вспоминаю сегодняшний обед в придорожном кафе.

– Они разговаривают за едой? – спрашиваю я.

– Если б они могли легко разговаривать между собой, им бы тут нечего было делать.

Я перевожу взгляд с главврача на Светлану. Она отвлекается от окна и тоже смотрит на меня.

Мне хочется что-то сказать ей. И я бы наверняка сказал, но присутствие врача меня стесняет.

«А вдруг мы с ней такие же, как Дима с Вале́й?» – думаю я.

«Пора в Киев», – думает Светлана, глядя на меня.

– У меня в 17.30 встреча, – говорит она и, заметив в моих глазах понимание, переводит взгляд на Диму и Валу.

– К понедельнику бумаги будут готовы, – говорит главврач, понимая, что вот-вот мы распрощаемся.

Киев. Июль 2015 года. Пятница.

– Какое масло? – переспрашиваю я у Сони, снимая рубашку.

– Это смесь. Там и масло мускатного ореха, и, – она переходит вдруг на шепот, – молочко опиумного мака, и прополис.

Я снимаю брюки и трусы. Ложусь на кушетку попой кверху.

Соня тоже раздевается до спортивного купальника. Моет руки в маленьком угловом умывальничке. Вытирает их досуха.

Я слушаю ее спиной. Точнее – чувствую ее приближение. И вдруг маслянистые тяжелые капли падают на мои плечи. А вот уже и ее сильные пальцы. Пошли расходящиеся круги, втирающие в мою кожу маслянистую смесь.

Соня – бывшая чемпионка мира по спортивной гимнастике. Бывшие чемпионы так же легко переходят в оздоровительную медицину, как бывшие депутаты в тюрьму или на госслужбу. Спорт здоровее политики, это даже на таком простом примере видно.

– Расслабьтесь! – Она проводит подушечками пальцев по моим рукам, вытянутым вдоль туловища.

Уже после массажа, оставшись один в комнате для отды-

ха, я стою пару минут перед настенным зеркалом и рассматриваю себя голого. Не знаю, действительно ли мои веснушки побледнели от ее маслянистой смеси, как уверяла меня Соня. Зато отрос волосяной покров на груди, сбритый врачами перед операцией. И, кажется, некоторые волоски отливают рыжиной. Этого еще не хватало!

Я выискиваю на груди несколько действительно рыжих волосков и выдергиваю их.

– Господин президент, – слышится из-за двери голос Коли Львовича. – Вас ждет посол Албании!

Нехотя я одеваюсь. Настроение постепенно портится. Я думаю об этих рыжих волосинках на своей груди.

Послом Албании оказывается приятная женщина лет сорока. Она вручает мне верительные грамоты. По очереди мы говорим протокольные слова об улучшении украино-албанских отношений, и на этом встреча заканчивается.

– Господин президент, вы обещали сегодня выпить кофе с Майей Владимировной, – напоминает мне Коля Львович.

– Где?

– Дома, на Десятинной. Она вас уже ждет.

– Она ждет меня у меня дома?

Коля Львович кривит губы. Он сегодня не в настроении. Точнее – он каждый раз не в настроении, когда должен говорить со мной о Майе Владимировне.

– Она ждет вас не у вас дома, а в служебной резиденции Президента Украины! – цедит он сквозь зубы.

– И долго мы с ней будем пить кофе?

– Полчаса. От вас пахнет маслом мускатного ореха, – говорит он уже мягче.

– Это точно, – киваю я.

– Ей понравится. Женщинам вообще нравится этот горьковатый запах! – усмехается Коля Львович.

У меня возникает искреннее желание двинуть ему по уху. Но президент должен скрывать свои истинные желания. По крайней мере иногда.

Киев. Январь 1985 года.

– Когда ты уже на работу устроишься? – кричит с утра мама.

Я с трудом открываю глаза. Первый взгляд – на будильник. Без четверти восемь. Второй – на кровать напротив. Братец Димка спокойно дрыхнет. Хорошо быть свихнувшимся. «Димочка, вот тебе горячее молочко с медом, вот тебе гречневая каша с маслом!»

Он спит лицом ко мне и во сне словно принимает к чему-то. Как лошадь, раздувая ноздри. Наверно, ему что-то снится!

Я наблюдаю за его даже во сне подвижным лицом и думаю: «Какой же он мне близнец? Ну ничего общего! Не то чтобы, конечно, совсем ничего. Лоб такой же, и такие же ямочки на щеках, когда улыбается, и брови тоже едва заметно над переносицей сходятся. Но все остальное! И сама улыбка, и то, как он смотрит, и то, как смеется! Все совсем другое. А голос – тот вообще ни на что не похож. Голос тринадцатилетнего обиженного подростка. У меня такого голоса и в двенадцать, и в десять лет не было!»

– Вставай, тунеядец! – В спальню снова заглядывает мама. – В десять к Диме врач придет! Смотри, никуда не уходи! Дождешься, покажешь его, – кивает на спящего братца, –

вразу и запомнишь все, что он скажет!

Я лениво сбрасываю ноги на пол, усаживаюсь на кровати. Холод линолеума щекочет пятки.

– Холодно! – жалуясь я.

– А ты хоть раз помогал мне щели в рамах заклеивать?

Она не ждет ответа, она его знает. Почти все вопросы у нее риторические. Только когда она отдает свои приказы, тогда ждет... и даже не ответа, а подтверждения получения приказа или хотя бы кивка головы.

В начале девятого в квартире снова тишина. Можно было бы опять прилечь, но желания нет. Я сижу в спортивных трусах на кухне, на холодной табуретке. Меня пробирает дрожь. Она же меня и бодрит лучше всякой зарядки. Вот еще немного пободрюсь, а потом зажгу газ под сковородкой, в которой лежит оставленный мне матерью завтрак. Гречневая каша и две сосиски. Потом, когда братец проснется, мне предстоит сварить ему два яйца и проследить, чтобы он съел их без скорлупы. Впрочем, он и так ест яйца без скорлупы. Он ведь не дурак, не полуумок какой-нибудь. Скорее всего он вообще нормальный, даже умнее меня. Просто притворяется шизиком, но тихим. В результате он и обходится матери дешевле, чем я. На него даже какое-то пособие платят! И ничего с него взамен не требуют. А я все время то тунеядец, то паразит! Ну не нашел я еще себе места в этой жизни! Не нашел! Куда ни пойду работать, везде скучно.

А мать опять мою трудовую на сервант выставила, чтобы

отовсюду ее, эту синюю книжицу, видно было! Ладно, думаю я, снимая ее с серванта. Занесем куда-нибудь, попробуем еще какую-нибудь специальность освоить! Кем я уже только не был! И свежий асфальт разглаживал, после чего три недели от меня горелой смолой несло. И вагоны разгружал. Куда бы теперь двинуть?

Я зажигаю газ под сковородкой и вижу, как оттуда, из-под сковородки, выбегает напуганный огнем таракан. Увидев меня, он еще больше пугается, резко разворачивается и стрелой уносится в щель между плитой и грязно-зеленым кафелем кухонной стенки.

– Чего ты меня боишься?! – пожимаю я плечами. – Я такой же паразит, как и ты! Только другого вида.

Теперь я уже окончательно взбодрен, даже хочется что-то предпринять. И я беру маленький коричневый бумажный пакетик с надписью «Пищевая сода», высыпаю всю эту соду в эмалированную миску. Добавляю воды. Беру в умывальнике тряпку и, повозив ее в мокрой соде, начинаю чистить кафель вокруг плиты. Меня останавливает запах подгоревших сосисок. Я выключаю газ под сковородкой. Но к этому времени весь кафельный угол кухни очищен от жира и блестит. Посмотрим, что мама на это скажет, когда вернется с работы!

А за окном падает снег. За окном все удивительно бело и чисто. Я прислоняюсь к холодному стеклу лбом и смотрю вниз, на улицу. Там дворник прорыл в глубоком снегу узкие дорожки, по которым черными толстыми ежиками дви-

жуются тепло одетые женщины с хозяйственными сумками. Они занимаются своим хозяйством. Они идут за селедкой или за докторской колбасой. Они живут полноценной советской жизнью.

Киев. Июль 2015 года. Пятница.

– Веснушки вам к лицу, – произносит, едва заметно улыбаясь, Майя Владимировна.

– Извините, – говорю я. – Мне трудно с вами говорить на «вы». Давайте я буду с вами на «ты», ну а вы – уж как получится!

На ее лице – мгновенная растерянность. Но в руки она себя берет быстро. Кивает в знак согласия.

На ней легкое синее платье с множеством мелких бледно-желтых цветочков. Талия стянута пояском. Туфли на каблучках тоже синие. И бабочка-заколка с синей эмалью в аккуратно собранных каштановых волосах. Косметики на лице не видно.

«Если сомневаешься в своем вкусе – одевай все одного цвета!» – учила меня мать, помогая приодеться на первое «взрослое» свидание. Свидание действительно оказалось странным. Она, я уже забыл ее имя, не пришла, но прислала младшего брата со своей подписанной фотографией. «Запомни меня такой! Сегодня утром из армии вернулся мой жених. Целую».

Я хочу что-то сказать – мне надоел ее прищуренный взгляд, изучающий мою одежду. Хочу сказать, но что-то мешает мне. Мне трудно говорить ей «ты».

– А у вашего покойного мужа были веснушки? – вдруг спрашиваю я. И внутри, в душе, противно от того, что она меня победила.

– Знаешь, – легко и широко усмехается она, – были, но чуть-чуть. Только если присмотреться.

Наконец появляется прислуга с подносом. На столик под окном в гостиной, за которым мы сидим в темно-зеленых кожаных креслах, опускается кофейный серебряный сервизик. Женщина в белом фартуке поверх коричневого платья наливает в чашечки кофе. Чашечки из тонкого фарфора. Из серебра только кофейник, сливочник, сахарница и ложечки.

Глоток кофе возвращает мне самоуверенность, поколебленную этой дамой.

– Тебе сколько сахара? – спрашиваю я, беря из рук прислуги сахарницу и ложку.

– Я без.

– Так чем я могу быть тебе полезным? – Я смотрю на нее в упор и размешиваю сахар в своей чашке.

– Мне? – Она удивляется. – Нет, вы мне бесполезны. Я здесь только ради сердца Игоря.

Она опускает взгляд на мою грудь. Мне опять неловко.

– Николай Львович говорил, что он подписал какой-то контракт по поводу сердца.

– А разве он вам его не показывал?

– Нет.

Майя Владимировна кивает так, будто она что-то поняла.

Наверное, действительно поняла. Как минимум – мое поведение.

– У меня есть копия, – говорит она. – Я могу принести.

– Не надо. – Я смотрю на напольные часы. – Мне через пять минут идти.

– Вам бы стоило его прочесть. – Лицо Майи Владимировны выражает сожаление.

Киев. Февраль 1985 года. Вечер.

Скучный и безлюдный Андреевский спуск. Черт меня дернул пойти по нему вниз, на Подол. Булыжники, покрытые льдом. Я уже падал три раза, а не дошел еще и до середины спуска. Теперь иду по правой стороне, придерживаясь руками за холодные стены домов. В окнах горит желтый свет. Он вываливается жирными лунными пятнами под ноги, на эту неровную наледь. Справа – «Замок Ричарда». Все окна тоже горят. Тут я бывал у приятеля в огромной коммуналке на втором этаже. Дощатые полы, огромные тараканы и запах хозяйственного мыла.

Машинально я «пробую» носом воздух, словно ожидая, что и сейчас, в этот морозный вечер, ветерок принесет мне со стороны обшарпанного «замка» знакомый запах этих коричневых брикетов мыла, которое никогда не дорожает – вечная цена 19 копеек.

Но воздух тут ничем не пахнет. У мороза нет запаха. Запах есть у всего, что оттаивает.

Я еще два раза падаю и качусь вниз по спуску, пока мои ноги не упрутся в какую-нибудь преграду. Снова поднимаюсь. Осматриваю свои джинсы – удивительно, как это они до сих пор не порвались. Но это еще один плюс морозной зимы. Гололед всегда гладкий.

Наконец спуск позади, а впереди – ровное пространство. Сворачиваю налево в переулочек и выхожу как раз к протезной мастерской, где мне и назначила свидание Надя. Наде с виду лет тридцать. Она меня постарше, но только возрастом. Когда она рассуждает – хочется погладить ее по головке, потрепать ее короткие русые волосы и посоветовать читать побольше книжек, чтобы поумнеть.

В остальном, то есть когда она молчит или вздыхает, она просто прелесть.

Я стучу в деревянную дверь протезной мастерской и наблюдаю за окном справа от двери. Там горит свет, и свет этот какой-то необычный. Он не желтый, а зеленоватый.

Дверь открывается. Надя в синем рабочем комбинезоне быстро затягивает меня внутрь и закрывает дверь на засов. Тут же обнимает, лезет целоваться и шепчет: «Ой, какой ты холодненький!»

Бутылка десертного вина, три пирожка с капустой, два граненых стакана. Все это, выставленное на табуретку возле самодельного «электрокозла» с рдеющей, разливающей раскаленное тепло спиралью, могло бы вдохновить любого художника на достойный натюрморт.

– Сюда никто не придет? – спрашиваю я.

– Нет, начальник погнал к любовнице, а мастер – в запое. Раньше чем через три дня не появится.

Бутылка десертного вина выпивается быстро. Продавленная кушетка застилается тремя слоями брезента, чтобы вы-

рывающиеся пружины не поцарапали наши бедра. Ради смеха я беру к нам под старый полосатый плед протез ноги и по очереди глажу ножку Нади и будущую ногу какого-то инвалида. Нам смешно, тепло и весело.

– Ты жениться не хочешь? – спрашивает меня Надя.

– На тебе?

– Ну да!

– И что мы потом с тобой будем делать?

– То же самое! – Надя весело улыбается.

– Тогда зачем жениться? – смеюсь я.

И мы оба смеемся. Я выбрасываю из-под пледа протез. Он с грохотом падает на деревянный пол мастерской.

– А чего у тебя такая маленькая грудь? – спрашиваю я.

– Лучше маленькая и твердая, чем большая и вялая! Поцелуй ее! Нежнее! Нежнее! Еще нежнее!

Я учусь. Хотя должен бы уже все уметь.

– Вот так! Вот так! – шепчет она. – А теперь тут! – И ее рука уводит мою руку вниз к ее бедрам.

Как легко повиноваться женщине! Легко и естественно!

Кто-то стучит в окно. Я замираю. Останавливаю взгляд на старом зеленом абажуре, объясняющем загадку зеленоватого света в окне. «Надо было выключить», – думаю я.

– Кто там? – кричит Надя.

– Вася есть? – прорывается внутрь хриплый мужской голос.

– Он дома, в запое! – кричит в ответ Надя.

Я поднимаюсь. Обхожу «электрокозел» и выключаю свет. Теперь все освещено раскаленной спиралью обогревателя.

Снова ныряю под плед. Замечательный зимний вечер продолжается. И мне не жаль, что, стремясь сюда, я столько раз падал и набивал синяки. Спуск может быть труднее подъема. Было бы ради чего или кого спускаться!

Аэропорт Борисполь. Ноябрь 2003 года.

Про вчерашний день можно было бы снимать кино. Мы со Светой Виленской возили Диму и Валю по магазинам. Надо было их приодеть перед Швейцарией. Поначалу они оба проявили полнейшее равнодушие к «haut couture», но Валя «проснулась» первая. Света завела ее в кабинку с зеркалом и заставила примерить коротенькую кожаную курточку с меховым воротничком. Когда Валя вышла в этой курточке из кабинки и нашла взглядом Диму, я все понял. Постепенно и Димка вошел в азарт. Конечно, благодаря Вале. Она сама заводила его в кабинку и заставляла примерять то один костюм, до другой, то свитер, то клубный пиджак. Мы остались без работы. Хотя последнее слово все равно оставалось за нашими кредитными карточками. Светлана победила меня щедростью по отношению к своей сестре – к четырем часам пополудни, по моим подсчетам, она выложила за материальные радости Вали добрых десять тысяч гривен. Я, дойдя до отметки «шесть тысяч», остановился и даже не поддался на совет Светы купить брату коллекцию из двенадцати итальянских галстуков.

И вот до начала регистрации рейса на Цюрих не больше двадцати минут. Мы сидим в кафе и пьем кофе с коньяком. Я то поднимаю взгляд на монитор с надписью «Вылет», пока-

зывающий полное меню городов, в которые сегодня отправляются самолеты, то опускаю и смотрю на сидящих напротив – на Диму и Валу. В какой-то момент я понимаю, что одеты наши брат и сестра гораздо богаче и лучше, чем мы со Светой. Озадаченный, я пытаюсь понять, когда у меня выпадет пара часиков на хождение по мужским бутикам. Но тут объявляют регистрацию.

Таможенник зеленого коридора с пониманием относится к Диме и Вале. Мы его предупредили заранее. Он улыбается и, не задав ни одного вопроса, возвращает двум пассажирам паспорта и билеты. А рядом уже ждет командир таможенной смены, который проведет их дальше и через паспортный контроль. Его задача – чтобы Дима с Валею не услышали от пограничного контроля вопрос «Цель вашей поездки?» Может, они бы и смогли спокойно ответить, но консультант-психолог, который помогал нам подготовить их перелет, строго советовал избегать моментов, которые могли бы подчеркнуть их несамостоятельность и несвободу.

Я обнимаю Диму.

– Я к тебе прилечу! – обещаю я.

– А мама?

– И мама.

Света прижимает к груди Валу, и обе, кажется, плачут.

– Ты за ней присмотришь? – спрашиваю я брата, показывая взглядом на Валу.

– Я ее ни на шаг не отпущу! – В глазах Димы мелькает

вдруг такая жесткая воля, что я на мгновение пугаюсь. – Я за нее... все что угодно.

– Все что угодно – не надо, – шепчу я ему. – Надо знать меру.

Он отрицательно мотает головой.

Киев. Июль 2015 года. Воскресенье.

За окном с самого утра светило солнце, но потом, как в скандинавской сказке, напозла на небо злая и огромная туча и стало темно. Я прошел в ванную комнату и посмотрел в окно. Это торцевое окно – единственное во всей стенке. Его пробили по капризу жены одного из предыдущих президентов. С улицы, конечно, окно смотрится по-дурацки, зато из него видны купола Андреевской церкви. И сейчас, в этом предгрозовом освещении они особенно красивы.

– Кофе сюда принеси! – Я на мгновение отвлекаюсь от роскошного вида и оборачиваюсь к помощнику, тенью бродящему за мной по квартире.

Подоконник здесь широкий и гладкий. На нем можно бы и обедать иногда. В полном одиночестве. Это такая ценность – одиночество. Чтобы понять, чтобы оценить состояние одиночества, надо дообщаться с людьми до рвотных рефлексов, до мгновенной и нескрываемой реакции на конкретные физиономии. И потом, после этого, завтрак в полном одиночестве – это ни с чем не сравнимое удовольствие.

Я смотрю на ставшие матовыми от предгрозового затмения купола. Между мной и куполами вдруг возникает движение. И странный звук, словно из детства, прорывается в реальность. Это град! Огромные градины лупят по медно-

му карнизу, бомбят Десятинную. Редкие туристы, только что стоявшие возле памятника Проне Прокоповне, убегают к пивной палатке, под синей брезентовой крышей которой уже скопилось достаточно людей. Я поднимаю глаза на холм напротив слева. Там стоит страшноватая восстановленная Десятинная церковь, которая когда-то похоронила под своими обломками сотни киевлян, прятавшихся от монголо-татар.

Градины размером с лесной орех продолжают сыпаться с неба. Интересно, не это ли явление природы подбросило идею изобретателям бомбардировщика?

Серебряный кофейник замечательно смотрится на зеленоватом мраморе подоконника. Я отхожу на пару шагов назад и наклоняюсь, чтобы и купола, и кофейник были в одну линию. Красиво!

Помощник наливает кофе, приносит и горячий круассан. Мягкий, пышный круассан растворяется во рту. Смена вкусовых ощущений – истинный праздник. Вчерашний вечер оставил на память вкус пятидесятилетнего коньяка «Мартель». Вкус сохранился до утра. Реальная причина – я просто не чистил зубы. И с утра не хотел. Но потом, через полчаса, после града и кофе, я их почищу.

– Господин президент, – раздается за спиной осторожный голос помощника, – Николай Львович звонил.

– Ну? – спрашиваю я не оборачиваясь.

– Просил передать, что идет град.

– Да? – усмехаюсь я. – Это все?

– Нет. Очень просил о встрече – на десять минут. Сейчас.

Исправляется, думаю о Коле Львовиче. Позавчера я его спустил с лестницы. Он зашел ко мне в спальню в полпервого ночи с какими-то «бумажками на подпись». Ночью никогда ничего подписывать нельзя. Это я уже на своем опыте усвоил. Сознание спит или хочет спать, а ты хочешь побыстрее освободиться – и нет ничего проще, чем подписать что-нибудь почти не читая.

Колю Львовича я принимаю тут же в ванной. В руках у него – кожаная папка. Интересно, что за документики там лежат сегодня.

Я стою спиной к куполам и думаю: надо бы предложить ему сесть. Выбор небольшой – унитаз и биде. Унитаз с крепкой крышкой, биде – без.

– Присаживайся! – Я киваю ему на унитаз.

Он оборачивается. На лице у него с трудом скрываемое раздражение.

– Давай-давай, садись! – настойчиво повторяю я.

В конце концов он присаживается, но тут же вскакивает. Ему неудобно. Его это унижает – сидеть на унитазе в присутствии президента.

– Я хотел извиниться, – лопочет он.

Я киваю.

– У меня тут, – он раскрывает папку, – несколько предложений. Одно интересное, от Мыколы.

– И что наш вице-премьер предлагает?

– Региональный эксперимент по поднятию уровня патриотизма.

– Вручение паспортов в церкви?

– Да, но для начала только в западном регионе, с привлечением греко-католиков.

– Покажи!

На трех листах все расписано в деталях. Он все-таки действительно поработал, наш главный гуманитарий! Это уже совсем другое.

– Интересно. – Я опускаю бумаги на подоконник. – Хорошо. Пусть готовит. Только не по всем церквям, а только в областных центрах, на площадях. И чтобы напоминало массовое крещение. Понимаешь?

По глазам вижу, что Коле Львовичу сегодня думается с трудом.

– Слушай! А лучше записывай!

Коля Львович оживает. Садится на унитазную крышку, достает лист бумаги и ручку, подкладывает под лист черную папочку. Ждет.

– За два дня до годовщины Независимости на центральных площадях Львова, Ивано-Франковска и Ровно организовать, согласно предложениям вице-преьера по гуманитарным вопросам, торжественное вручение паспортов Украины представителями греко-католической церкви всем, кто достиг в этом году шестнадцатилетия. В течение недели подготовить и подать мне на утверждение текст присяги при по-

лучении паспорта гражданина Украины. Исполнитель – Мыкола. Контроль за исполнением – твой! Понял?

– Да. – Коля Львович кивает и достает из папки еще одну бумажку. – Здесь по другому вопросу... но тоже по паспортам...

– Что там?

– В парламенте повальное приобретение немецких паспортов. Уже двадцать семь депутатов приобрели и используют для въезда в Европу паспорта Германии. Кстати, и Казимир тоже.

– А граждан Израиля у нас в парламенте сколько?

– Восемнадцать. Плюс три гражданина Панамы, два Коста-Рики, один – Венесуэлы.

– Ты давай думай, как с этим быть! – Я начинаю сердиться. – Стране нужны патриоты, а не крысы, готовые прыгнуть на чужой берег в любой момент! Скажешь, чтобы Светлов ко мне зашел завтра. К часу.

– У вас в час обед с Майей Владимировной.

– У меня с ней обед? Ни хера! Перенеси встречу на завтрак и принеси мне этот чертов контракт, чтобы понять, как с ней разговаривать!

– Вы только не волнуйтесь, – пытается успокоить меня Коля Львович. – Я взял на себя смелость пригласить к вам одного специалиста.

– По веснушкам?

Коля Львович отрицательно мотает головой.

– По стрессам. Самый серьезный у нас. Лечит от стресса люксембургских банкиров.

– Это тех, что у нас работают?

– Да.

– Ладно. Пусть придет завтра с утра и ждет окончания завтрака. И смотри, чтоб к вечеру контракт лежал у меня на столе!

Коля Львович встает с унитаза. Отряхивает брюки. Словно думает, что у меня в ванной не очень чисто.

Я подхожу к окну. Вижу, что град прекратился.

Киев. Февраль 1985 года.

– Вот сейчас допью и прыгну на хер отсюда вниз! – говорит Гусейнов и перегибается через перила моста.

Я хватаю его за воротник короткого ратинового пальто и тяну назад. Здесь, на пешеходном мосту, сильный и колкий ветер. Еще пара порывов, и наша вторая бутылка «Московской» покатится разливаясь. Мы ее еще и до половины не допили.

– Как мне теперь отцу в глаза смотреть! – Гусейнов обращивается ко мне. На лице – пьяное отчаяние.

– Да перестань ты! Ведь не посадили! Ну не будешь ты ментом!

– А кем я буду? Пистолет забрали! Форму я не отдам, но носить не могу!

– Поедешь к своим, в Дагестан, там носи сколько хочешь!

Мысль о том, что в Дагестане он сможет носить ментовскую форму, кажется, немного успокаивает его.

– Ты пойми, я же не мог по-другому! Ну представь, у тебя в обезьяннике сидит твой двоюродный дядя, а ты его сторожишь! Что он потом твоим родным скажет? Ты бы ведь тоже его отпустил!

Я отрицательно мотаю головой.

– Не отпустил бы? – удивляется он.

– Нет.

– А земляка?

– И земляка бы не отпустил!

Гусейнов тяжело вздыхает, нагибается за бутылкой и пьет из горлышка. Потом передает бутылку мне.

Я пью, отвернувшись в сторону Труханова острова. Пью, хоть во рту и противно от этой водки. Пью и смотрю на странную землю, на голые деревья, на заснеженный неясный берег.

– У нас не так, – говорит Гусейнов. – Если младший что-то сделал и попался – ремнем его или кулаками отделал и отпустил, а если старший – то просто отпустил. У нас нельзя своих сажать, понимаешь? Нас мало, и почти все – родственники.

– А нас много, и мы почти все друг другу – никто!.. Знаешь, если я стану генсеком, я прикажу, чтоб тебя обратно в милицию взяли!

Пустая бутылка катится по мосту, на котором никого кроме нас нет. Стекло глухо позвякивает, ветер подвывает. Мост, кажется, раскачивается. Или это нас от выпитого качает.

Я сравниваю расстояние до берегов. Похоже, что мы стоим прямо посередине.

– Пошли! – Гусейнов кивает в сторону острова.

– Пошли! – соглашаюсь я.

Остров приближается, но тут с неба начинает сыпаться

снег. Мы прибавляем шагу, чтобы не потерять из виду Труханов остров. Снег густеет, морозец бодрит, прогоняя из головы хмель. Ноги заплетаются.

Потом все вокруг становится снегом. Я не понимаю, где я, где Гусейнов, где остров. Я ничего не понимаю и иду в белом мраке, сам не зная куда, пока вдруг под ногами не раздается треск. Ноги мои проваливаются в мокрый холод. Уходят на добрый метр с половиной вниз, и вновь под ними появляется твердь. Я расставляю руки в стороны и кладу их на лед. Мне хорошо. Мне страшно холодно и хорошо. Холод сжимает меня, уменьшает в размерах, позволяет лучше прочувствовать каждый квадратный миллиметр тела. Вот оно – испытание на приятную прочность.

– Так можно ведь и до ручки допить! – звенит над головой старческий голос, в котором уже стерлись признаки пола.

Я думаю, что еще стою в холодной проруби, но, оказывается, нет! Я лежу на раскладушке, накрытый пледом, одеялом и овчинным кожухом. А рядом гудит буржуйка, и на табуретке возле нее сидит старик с горбатым носом.

– Вы только подумайте! – говорит он. – У вас такой здоровый организм, а вы его гробите! Вы же в этой проруби заснули! Вам что-то снилось?

Я смотрю на него непонимающе.

– Несчастливая любовь? Или на работе неприятности? – продолжает он свой вопрошающий монолог с надеждой на

мое участие.

«Несчастливая любовь? – думаю вдруг я. – Точно! Вчера Надька не пустила меня в протезную мастерскую, и я отчетливо слышал оттуда, изнутри, мужской голос». После этого я вернулся на Нивки и пошел к ментам погреться. А там ребята отмечают неприятности – Гусейнов выпустил пойманного с поличным квартирного вора, который оказался дагестанцем и его дальним родственником. Вот и выстроилась цепочка: от несчастной любви до проруби на берегу Труханова острова.

– На, выпей! – Дед сует мне под нос стаканчик.

Выпить действительно хочется. Я осушаю стаканчик одним глотком, но ничего не чувствую. Только странный сладкий привкус на языке.

– Что это? – спрашиваю.

– Отвар из крапивы.

– Так это вы меня вытащили? – Я вдруг начинаю что-то понимать.

– Ну да, – кивает он горбатым носом. – Сначала вытащил из проруби, потом вернулся за санками, потом на санках тебя сюда! Часа два возился! Думал, не выживешь!

– А Гусейнов?

– Какой такой Гусейнов? Не было там больше никого!

Старик оказывается последним жителем Трухановой слободы.

Но живет он там в землянке просто из протеста. И в па-

мать о слободе. Жена и дочь согласились на комнату в коммуналке, а он нет.

– Как вас зовут? – спрашиваю я.

– Давид Исаакович.

Швейцария. Лейкербад. Февраль 2004 года.

Медсестра в приталенном голубом халатике показывает нам со Светланой лечебницу. И я сразу чувствую себя душевнобольным. У нее из нагрудного карманчика свисают часики – как медаль за труд. Воротничок на халатике накрахмален.

Полы тут блестят. В воздухе носится искусственный аромат весенних цветов, а за окнами – горы, покрытые снегом.

Медсестра останавливается и показывает рукой за окно. Что-то говорит по-немецки. Я оборачиваюсь к Наташе – переводчице из нашего посольства. Наташа слушает ее и кивает. Потом пересказывает: у них там закрытый парк для прогулок пациентов – швейцарский горный воздух оказывает удивительно благотворное воздействие. Я киваю. И чувствую себя идиотом. Обычным европейским идиотом, который всегда кивает, слушая гида, врача и кого угодно, лишь бы тот рассказывал что-то с очень умным видом и вызывал доверие.

– Спросите, а какая-то культурная программа или терапия у них есть? – просит Наташу Светлана.

– Влияние электронных средств передачи информации тут ограничено, но у нас много картин, – переводит медсестру наша девушка. И повторяет жест медсестры, указываю-

щий на стены.

Я подхожу к одной из картин. Банальнейший пейзаж. Вдали горы, внизу полянка и породистая корова щиплет травку. А под деревом сидит пастушок. Мне хочется съязвить.

– Спросите, какой породы эта корова! – прошу я Наташу.

– Альпийская бурая, – переводит Наташа ответ медсестры.

Я снова киваю. И снова чувствую себя идиотом. Пора заканчивать эту экскурсию! Но она не закончится, пока нам не покажут все, за что мы со Светланой платим деньги.

Через полчаса нас оставляют в покое. В приемном отделении на мягких кожаных креслах. Таких мягких, что когда к нам выходят Дима и Валя, подняться на ноги сразу не получается.

Дима обнимает меня. В его глазах слезы. Лицо румяное, пышущее здоровьем. Наверно, каждое утро пьет молоко альпийской бурой коровы.

– Как тебе тут? – спрашиваю.

Он прижимает меня к себе со всей силы.

– Хорошо. Очень хорошо, – шепчет. – Только немецкий плохо дается. Я просил учителя, а они не дают.

– Так они, наверно, тебя не понимают. Ты же по-русски просил?

– Я просил по-русски письменно, а они все это факсом переводчику. Потом ответ факсом. Потом мне перевод ответа. Отказали. Ты прикажи им!

– Я тут не могу приказывать, могу только платить.

– Так заплати!

– Я могу платить только с их согласия. Я поговорю!

– Да нет, это не важно, – Дима вдруг меняет тон и переходит на шепот. – Важнее другое. Валя согласна выйти за меня замуж.

Я оглядываюсь на Валу, которая в это время шепчется с сестрой.

– Ты сможешь? – настаивает брат.

– Я поговорю с врачом, – обещаю я и вижу, что мой ответ Диму не устраивает.

Нет, я на самом деле поговорю с врачом, но сейчас мне необходима пауза, чтобы понять происходящее. Пауза, судя по выражению лица Светланы, нужна и ей.

Швейцарский «главврач», к которому мы зашли через десять минут, отнесся к возникшей проблеме оптимистично.

– Это стремление к нормальной жизни, – сказал он. – Надо по возможности поддержать. Только с вашего обоюдного письменного согласия. Я бы для начала остановился на гражданском браке. Мы бы перевели их в двухместную палату и создали бы атмосферу семейной квартиры. Они бы сами ее убрали... Это интересно, хороший материал для научной статьи.

Профессору лет шестьдесят. Худой, маленький, словно перестал расти лет в тринадцать. Стрижка ежиком.

– Как вы думаете? – спрашивает он после размышлений

вслух и после Наташиного перевода.

– Я против гражданского брака, – говорит Светлана. – У них не будет чувства ответственности!

– У больных чувство ответственности развито сильнее, чем у здоровых людей, – говорит профессор. – Однако если вы настаиваете, то пожалуйста! Только вся юридическая сторона дела – за вами!

Юридическая сторона дела ограничивается заверенным у нотариуса переводом первых страниц паспортов Димы и Вали и еще несколькими бумажками из нашего посольства, которое доброжелательно идет мне навстречу.

Киев. Июль 2015 года.

Специалист по стрессу появился ровно через полчаса после того, как я получил в руки контракт с Майей Войцеховской. Почти двухметровый великан в приталенном костюме с лицом неславянского типа. Встреть я его на улице, подумал бы, что итальянский манекенщик. Но на улице я не бываю. На той, где можно кого-то неожиданно встретить. У моих улиц есть потолки и ковровые дорожки.

– Николай Львович про меня.

– Знаю, – сердито оборвал его я, откладывая страницы дурацкого контракта. – Давай!

– Что давать? – испугался он.

– Стресс снимай!

Глаза этого худого великана округлились. К моему стрессу он оказался не готов. Полез руками в карманы пиджака, оглянулся по сторонам.

– Мне бы сначала определить причину стресса.

– Читай! – кивнул я на контракт.

Он подошел к столу, взял верхнюю страницу, достал из кармана очки для чтения и водрузил их на тонкий нос. Лицо приобрело на мгновение умное выражение, которое уже через несколько секунд скомкалось, он напрягся. В глазах блеснул испуг. Очки сорвались с носа, и он едва успел их

поймать.

– Я это не буду... не могу это читать... Это государственная тайна. Скажите Николаю Львовичу, что я этого не читал!

– Тогда снимай стресс не читая!

По его лицу было видно, что наступила очередь ему снимать стресс. Но он держался. Он пытался думать, и это легко прочитывалось на его неславянском лице.

– Выпить хочешь? – спросил я.

Он кивнул. Потом вдруг вскинул голову, словно хотел спросить что-то. Снова успокоился.

– Эй, – крикнул я негромко, и в кабинет заглянул мой помощник. – «Хэннесси» принеси!

– Тебе никогда ничего не пересаживали? – спросил я специалиста по стрессу после второго бокала коньяка.

– Нет.

– И не соглашайся!

Коньяк меня отпускал. Про контракт я на какое-то время забыл. Теперь меня интересовал специалист по стрессу.

– А кому ты тут еще стресс снимаешь?

– Николаю Львовичу. – Он поднял глаза к потолку, словно память его растворилась в коньяке. – Петру Алексеевичу, Семену Владимировичу.

– А это кто такой? – удивился я, услышав незнакомое имя-отчество.

– Это ваш первый советник по вопросам семьи и брака.

– Да?! А у Коли Львовича часто стресс бывает?

– Каждый день.

– И как же ты его снимаешь?

– По-разному. Иногда вот так же, – он кивнул на бутылку коньяка. – Иногда иглоукалывание. Но он иглолок боится.

– А этот Семен Владимирович. У него часто стресс?

– Тоже каждый день.

– А у него, интересно, отчего?

– У него мания преследования.

– И кто же его преследует?

– Он думает, что вы.

– Да я его вообще не знаю! Он недавно стал советником?

– Год назад.

– Ни хера себе! – Я перевел взгляд на дверь. – Эй! – крикнул я, и тут же в проеме возникло лицо помощника. – А ну сюда Колю Львовича!

Дверь закрылась, а в глазах специалиста по стрессу появился ужас.

– Зачем вы его?..

– Надо же когда-нибудь с собственным советником по семье и браку познакомиться!

Коля Львович зайдя пронзил вопросительным взглядом специалиста по стрессу и только потом нежно и вопросительно посмотрел на меня.

– Скажи мне, кто такой Семен Владимирович? – попросил я его подчеркнуто вежливо.

– Это брат Майи Владимировны, – ответил глава админи-

страции, косясь на контракт, лежавший на столе.

– Налей себе, – я кивнул на бутылку.

Пока он наливал, я следил за его руками. Они дрожали. Рука специалиста по стрессу тоже дрожала, когда он подносил ко рту бокал с коньяком.

– Год назад ты взял на работу советника, которого я ни разу не видел, – заговорил я, упершись недовольным взглядом в его глаза. – Это еще до моей операции.

– Вам нельзя беспокоиться! – запричитал вдруг Коля Львович. – Это опасно! Сердце может не выдержать! Я сейчас, я на минутку!..

И он выбежал из кабинета.

Мой взгляд упал на контракт. Я взял его, поднес к глазам.

– «Сердце, как в случае успешной операции, так и в случае неудачи, остается собственностью Майи Владимировны Войцеховской и подлежит возвращению ей по истечении надобности в нем или при невозможности его дальнейшего использования», – прочитал я, потом поднял глаза на специалиста по стрессу. – Так что ты об этом думаешь?

Он заморгал, уцепился взглядом за бокал с недопитым коньяком.

– Это очень стрессовая ситуация. Традиционные методы тут не подойдут.

– Что ты называешь традиционными методами? – поинтересовался я.

– Вот это, – он кивнул на бутылку «Хэннесси». – И агрес-

сивный секс.

– Да, секс здесь не подойдет, – согласился я. – А что подойдет?

Я сам услышал, как в моем голосе прозвенел металл. На самом деле еще минут пять – и меня понесет так, что только держись!

– Агрессивная трудотерапия, – негромко произнес специалист по стрессу.

– Агрессивная трудотерапия? – Мысль меня заинтересовала. – Это что? Как в армии? Копать канаву от забора и до обеда?

– Почти. Нет, не совсем. Я, конечно, могу. Но надо Николая Львовича спросить. – Специалист по стрессу оглянулся на закрытые двери в кабинет.

– А действительно, где этот мудака? – вырвалось у меня, и я крикнул: – Эй!

Помощник отозвался, заглянул в кабинет.

– Найди Львовича – и быстро его сюда!

Через пару минут голова помощника снова появилась в проеме двери.

– Он не может встать. Он у себя в кабинете.

– Что, напился? – спросил я.

Помощник кивнул.

– Вот как! Он себе стресс снял, а мне? – Я опять начинал заводиться, и взгляд мой сам собой жестко прошелся по лицу специалиста по стрессу.

Он отшатнулся, побледнел.

– Если вы действительно хотите, я могу... – залепетал он, – но вопросы безопасности... Нужна машина, шофер, охрана, несколько мощных фонариков.

– Ты это кому говоришь? – зарычал я и снова обернулся к двери. Крикнул: – Эй! Зайди!

Помощник залетел в кабинет и остановился как вкопанный перед столом.

– Ему скажи, что надо!

Возникла роскошная пауза. Двое напуганных до бледности взрослых мужчин смотрели друг другу в глаза, боясь бросить лишний взгляд на меня. Словно загипнотизированные, они стояли неподвижно, боясь нарушить возникшую тишину и сопровождавшую ее неподвижность момента.

Мне надоело ждать. Я стукнул рукой по столу, и мои истуканы ожили. Специалист по стрессу дрожащим голосом рассказал помощнику обо всем необходимом. Помощник кивнул и вышел.

За окном молчал вечерний город, которому было наплевать на все – на меня, на мой стресс, на мое сердце, которое мне не принадлежало.

Киев. Февраль 1985 года.

Полная тишина и какой-то медицинский, больничный покой в душе. Словно закрыли меня в холодильнике и рядом лежит все свежее и холодное. И я такой же лежу на большой полке.

Я открываю глаза и понимаю, что медицинская тишина мне только что снилась. В землянке темно и тепло. Только темные бордовые отблески мигают в темноте да огонь в закрытой буржуйке потрескивает негромко.

Я накрыт чем-то тяжелым. Вытаскиваю наружу руку и ощупываю свое одеяло. Нет, это не одеяло. Это шинель. Вот ее рукав. Пальцам вдруг становится холодно, и я прячу руку обратно, зажимаю ладонь между своими горячими ляжками. Удивительно, почему всегда, когда я греюсь под одеялом, все тепло скапливается между ног?

«Надо будет найти какую-нибудь книгу о человеческом теле, – думаю я, снова засыпая. – Ведь я явно в этом деле не шарю, не понимаю! А может, мне пойти учиться в медучилище? На фельдшера?»

Я еще успеваю вспомнить вечно пьяного фельдшера в нашей воинской части. Конечно, это был стройбат, а в стройбате пили все, кроме казарменных крыс. Что мы там строили? Засыпающий мозг нехотя подсказывает: кофейную фаб-

рику во Львове.

– Нет, – не соглашаюсь я, – не фабрику, а склады.

И наконец снова засыпаю. Снова заезжаю вместе с невидимой полкой в чистый и холодный холодильник. И дверь за мной захлопывается с характерным металлическим щелчком.

Швейцария. Лейкербад. Февраль 2004 года.

Демократия – вещь чудесная. Особенно швейцарская демократия. Она словно создана для больных и престарелых. У нас раньше пели: «Молодым везде у нас дорога». В Швейцарии таких песен не было, но дорогу всегда уступали пожилым, как у нас сидячие места в городском транспорте.

Профессор написал в мэрию Лейкербада письмо о том, что сама бюрократическая атмосфера церемонии вступления в брак может оказать травматическое воздействие на его пациентов, и поэтому свидетельство о браке в мэрии заполняли *in absentia*. Зато тот факт, что за вступающих в брак расписались их родные брат и сестра, только порадовал мэра, который сам пришел в церемониальный зал, чтобы пожать нам руки и в нашем лице поздравить молодоженов. Пару раз во время своего недлинного спича он забывал о том, что это не мы женимся. Переводчица Наташа поправляла его, и он, мгновенно исправляясь, продолжал.

Но главный праздник начался вечером, в шесть. В ресторане «Шато д’О». Это был действительно «Водяной дворец».

Нас подвезли на микроавтобусе с логотипом лечебницы – знак внимания от «главврача», который тоже обещал подойти и поздравить молодых, но попозже. Ему предстояла еще одна вечерняя консультация.

В просторном холле ресторана среди картин висел плакат с фотоаппаратом, перечеркнутым жирной красной линией. Моя маленькая «Минолта», лежавшая в кармане пиджака, казалось, испуганно затаила дыхание. И я ее погладил, успокоил. «Нет, я тебя не сдам в камеру хранения!» – прошептал я про себя, наблюдая, как пожилая пара передавала служителю гардероба кофр с видеокамерой.

Потом метрдотель провел нас к кабинкам для переодевания. Дима и Валя зашли в одну, мы со Светланой – в другую. Здесь уже лежали аккуратно сложенные полотенца и белейшие простыни.

Светлана отвернулась и, как ни в чем не бывало, быстро скинула свою одежду. Элегантно замоталась в простынь. Оглянулась. Я стоял еще одетый, замороженный красотой ее тела. Ее взгляд поторопил меня.

Наш провожатый, серьезнейшее выражение лица которого никак не вязалось с его нарядом, оживился, снова увидев нас четверых. Повел дальше. Первыми за ним шли Дима и Валя, потом мы со Светланой. В воздухе витала приятная влажность. Тишина тоже, казалось, была пропитана этой влажностью и поэтому звучала торжественно, словно все затаили дыхание. Тишина так же торжественно звучит в церкви. Может, именно поэтому мне вдруг показалось, что это не метрдотель идет впереди нашей скромной процессии, а священник, ведущий молодых к алтарю.

Под ногами захлюпала вода. Шаги по воде добавили тор-

жественности и какой-то особой библейности атмосфере. Я уже ничему не удивлялся. Ни тому, что наш «священник» был одет во фрак и, если можно так сказать, во фракные плавки. Ни тому, что мрамор пола с каждым шагом уходил все глубже под воду.

Перед нами открылся зал ресторана, где стильные пластиковые кресла стояли вокруг мраморных столов и пол был покрыт водой. Он был покрыт водой по колени, но когда мы уселись вокруг стола, вода оказалась намного ближе.

Еще днем, после визита в мэрию, я отпустил переводчицу Наташу, но без связи со «швейцарским миром» мы не остались. Светлана говорила по-английски. Она перевела слова нашего «священника», объяснившего, где можно окунуться, и добавившего, что после девяти вечера за столиком можно сидеть совершенно раздетыми.

Официант появился в таком же непривычном водно-фрачном наряде. За собой он тянул плавучий корабль-поднос с бутылкой шампанского в серебряном ведерке и блюдом миниатюрных бутербродиков.

– Горько! – крикнул я, но голос мой тут же был впитан влажным воздухом.

Дима и Валя поцеловались. Мы со Светланой переглянулись. От наших брата и сестры исходило сияние счастья. Оно рвалось наружу через их взгляды, через их улыбки. Здоровым людям, казалось, никогда не бывает так хорошо. По крайней мере, именно это я подумал, глядя на Диму и Валю.

– Здесь можно кричать – все равно никто не услышит, – сказал я Диме.

Он рассмеялся. Потом крикнул, обернувшись к своей невесте: «Я люблю тебя!»

Я оглянулся по сторонам. В ресторане пока сидели только две пожилые пары, но они, казалось, не слышали крик Димы.

– Я люблю тебя, – прошептал я, глядя на Светлану.

– Что? Я не расслышала! – Она наклонилась ко мне. – Что ты говоришь?

– Горько! – повторил я погромче.

– Горько! – поддержала она меня.

Потом, после девяти часов, мы сбросили простыни и купались нагишом в глубоком месте ресторанного зала, там, где вместо столиков стояла в воде барная стойка.

Дима и Валя замкнулись друг в друге. На нас они не обращали внимания. Они баловались в воде, ныряли.

Мы вели себя более сдержанно, хотя взгляд мой то и дело сползал на красивую «яблочную» грудь Светланы.

Пили только шампанское. Около одиннадцати я тайком принес свою «Минолту», и пожилая женщина с соседнего столика щелкнула нас по моей просьбе. Свадебное фото на память. Четверо взрослых, счастливых, голых, стоящих по колени в кислой минеральной воде. Свадьба «по-швейцарски» с украинским акцентом.

Под конец ужина мне стало немного грустно. Я вдруг по-

нял, что и Валя обладает телом идеальной красоты и такой же «яблочной» грудью, как и ее сестра. Я позавидовал Диме, у которого впереди – брачная ночь в роскошном номере пятизвездочного отеля. А мы со Светланой будем ночевать через стенку этажом ниже.

Мои грустные предчувствия не оправдались. Светлана впустила меня к себе, и брачная ночь раздвоилась, она досталась всем нам. «В этой минеральной воде много железа», – говорил «главврач» лечебницы о ресторане. Я слизывал с кожи Светланы кислотоватое, растворенное в воде железо. Гладил ее, ласкал ее грудь, упругую, как резиновый мячик моего детства. Я был счастлив.

Только поздним утром за завтраком вспомнил, что профессор так и не пришел на наш свадебный ужин.

Киев. 23 февраля 1985 года.

– Ты в армию ходил? – спрашивает меня Давид Исаакович из-под стола.

Там у него съестные припасы, и он, нагнувшись, пытается что-то достать. Шелестит полиэтиленовая скатерка. Наконец он выбирается и поднимает над столом кулек с картошкой.

– Так ходил или нет? – снова спрашивает он и теперь смотрит мне прямо в глаза. А я смотрю на его горбатый нос.

– Ходил, – киваю я. – Два года родине отдал.

– Значит, не только мой праздник! – На лице старика улыбка. – А я в сорок пятом Знамя Победы повесил!

Из кулька на стол выкатываются пять картошин.

– Они мороженые, но для пюре сойдут. У меня еще кое-что есть! Это хорошо, что ты пришел! – Взгляд Давида Исааковича уходит на бутылку принесенного мною портвейна. – Ты хозяйственный и добро помнишь!

– А вы на Рейхстаге знамя вешали? – интересуюсь я.

– Нет, до Берлина я не дошел. В другом городке повесил. Жаль, названия не помню. Точно знаю, что в Германии. Если б название помнил, написал бы письмо в их посольство! Может, в гости бы пригласили!.. Только хрен бы наши выпустили!.. Ты женат?

– Нет. Я один.

– Как один? – удивляется старик. – Один-единственный, как партия? А родители?

– Нет, мама есть и брат. Близнец. Только он тихий псих.

– А сердечной подруги, значит, нет, – понимающе качает головой Давид Исаакович. – Тогда открывай портвейн и сходишь сейчас в морозильник за деликатесом!

Я оглядываюсь по сторонам. В прохладной, несмотря на горящую буржуйку, землянке лишь самодельная кровать, стол, две табуретки и ящик с кастрюлями и тарелками.

– А морозильник где? – спрашиваю.

– Слева от двери. Два шага сделаешь влево, потом аккуратно рукой снег смети – там ящик.

В «морозильнике», а на улице действительно минус пятнадцать, я нахожу пол-литровую банку с тушеным кроликом. Вокруг молча стоят голые деревья. Труханов остров напоминает заброшенное кладбище. Еще довольно рано, около часа, а воздух уже теряет свою прозрачность, сереет, сливается со свинцовым небом, в котором зреют очередные снегопады.

Банку открыть нечем. Мы ее разбиваем чугунной сковородкой. Снимаем с замерзшего цилиндра кроличьей тушенки битое стекло. Потом, отказавшись от самой идеи пюре, бросаем «вымытую» в снегу картошку в чугунный казанок, туда же цилиндр тушенки, закрываем крышкой и ставим на буржуйку.

– Знаешь, – говорит Давид Исаакович, попивая мелкими глотками портвейн, – у меня ведь законная дочь есть! Мира.

Давай познакомлю!

– Давайте! – соглашаюсь.

– Она из очень интеллигентной семьи. Мать у нее – костюмерша в Оперном, отец – вот он, перед тобой. Мне уже пятьдесят было, когда она родилась!

«Сколько же ему теперь?» – думаю я, опять сосредоточивая внимание на горбатом носу старика.

– Другого отца у нее не было, но мать – умница. Штаны умеет шить – просто шик! Даже гладить не надо, если правильно после стирки повесить! Я тебе адрес дам и записку!

«А вдруг у нее тоже горбатый нос?» – закрадывается подозрение в мое смягченное портвейном сознание.

– А знаешь, тут у нас, на Трухановом, раньше все было. И винная лавка, и кладбище свое. На нем мой брат похоронен!..

За окном уже темно. Портвейн выпит. Уходить не хочется. Там, снаружи, страшно и холодно. И снова падает снег.

– Я уже высохший, много места не занимаю, – говорит старик, расстилая кровать. – Нам тут с тобой вдвоем теплее будет! А завтра с утра напишу записку, и поедешь к моей Мирочке. Она тебе понравится!

Неизвестная территория. Июль 2015 года. Ночь.

У меня все еще колотится сердце. Так же громко, как мотор вертолета, на котором мы куда-то летим. Не важно – куда. Важно – зачем. Я лечу снимать стресс.

Впереди летит еще один вертолет с охраной и каким-то дежурным полковником по спецсвязи.

Я смотрю на специалиста по стрессу. Лампочки в салоне вертолета неяркие. Он сидит в кожаном кресле возле круглого иллюминатора и делает все возможное, чтобы случайно не встретиться со мной взглядом.

– Эй, – обращаюсь я к помощнику, – дай коньяка! И ему дай! – Я киваю на специалиста по стрессу, получая бокал «Хэннесси».

Помощник кивает. Он знает, что говорить со мной лучше жестами и движениями тела. Движения тела не переспрашивают. У них не может оказаться двусмысленной или подозрительной интонации.

Специалист по стрессу вдруг встрепенулся, увидев что-то на земле. Обернулся ко мне и тут же, словно спохватившись, попробовал снова уткнуться в иллюминатор. Но не получилось. Перед ним стоял помощник с бокалом коньяка, а дальше по курсу его взгляда сидел я с таким же бокалом в руках.

– Что там? – спрашиваю я.

– Кажется, посадочная площадка.

Из моего иллюминатора ничего не видно, и я подхожу к нему, заглядываю вниз.

Там светящимися уголками выложен квадрат, рядом видны горящие фары нескольких машин. И первый вертолет уже зависает над подготовленной площадкой.

– Сколько мы летели? – спрашиваю я специалиста по стрессу.

– Полтора часа, – тихо отвечает он.

Внизу – ночь, ветерок. Жужжат негромкими голосами едва различимые в темноте люди, которых собрал в это непонятное место мой стресс. Они обмениваются информацией, командами, словами повышенного значения и такой же ответственности. И вот уже через десять минут кортеж из трех «мерсов» летит по проселочной дороге. Я – в средней машине. Впереди водитель и помощник.

– Они сказали, что там уже все готово, – негромко докладывает помощник на ходу.

– Все? – переспрашиваю я, пытаюсь понять, что скрывается за этим коротким бездонным словом.

Помощник знает мои интонации и знает, что я не жду никакого ответа на свой переспрос.

Четыре человека с мощными фонариками расставляют вешки с фосфоресцирующими флажками салатного цвета. Специалист по стрессу возникает из темноты и передает мне в руки легкую лопату с клинком из белого блестящего ме-

талла. Его голова наклонена.

– Здесь три сотки, – шепчет он. – Но если устанете, можете сразу прекратить.

Невидимые люди освещают фонариками сухую, брошенную землю. Мои глаза, пообвыкнув к темноте, различают невдалеке хатку, за ней – другие.

Я резко берусь за работу. Лопата отточена, как кинжал. Даже в твердую, сухую землю входит легко, как нож в мясо.

Минут через двадцать начинают приятно щемить ладони. Я вскапываю метр за метром и с почти физиологическим удовольствием ощущаю, как в моем теле происходит борьба бодрости и усталости, как притоки энергии щекочут изнутри мышцы рук, как напрягаются икры, когда я пригибаюсь, выворачивая очередной комок земли.

Я забываю обо всем, кроме лопаты и трех соток. Для меня больше не существует ни охраны, ни вешек, ни людей с фонариками в руках.

– Нам пора! – раздается вдруг рядом знакомый голос.

Я резко останавливаюсь, наклоняюсь вперед к говорящему – это полковник спецсвязи.

– Николай Львович звонил... рассвет через полчаса. Он боится, что вас тут увидят!

До трех соток остается всего лишь пара квадратных метров.

– Докопай! – Я вручаю ему лопату и иду к машинам, у которых словно по приказу одновременно зажглись фары.

Утром в резиденции личный врач обрабатывает стертые в кровь ладони. Рядом стоит опухший от алкоголя и недосыпа Коля Львович. Вдруг в его уставшем взгляде мелькает огонек, и он быстрым шагом уходит.

Возвращается с цифровым фотоаппаратом. Нацеливается на мои натертые ладони.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

– Нет таких неприятностей, из которых нельзя выжать пользу! – бормочет он и делает несколько снимков.

– Что ты делаешь? – рычу я, одновременно огорчаясь собственному раздражению. – Я из-за тебя, мудака, стресс снимал! На хрена тебе эти снимки?

– Извините, в архив, на память! – Львович делает еще два снимка и беззвучно уходит.

Врач заканчивает обработку ладоней. Мазь, которую он втирает в мозоли и в лопнувшие волдыри, пахнет бараньим жиром.

– Что это? – киваю я на тюбик мази.

– Страусиный жир.

– Я почти угадал, – произношу я удивительно спокойным голосом.

И понимаю, что не зря провел бессонную ночь. Стресс снят. Настроение хорошее. Хочется сделать кому-нибудь подарок или что-то приятное.

– У тебя дети есть? – спрашиваю врача.

– Да, дочь.

– Сколько ей?

– Шестнадцать.

– Тоже врачом хочет стать?

– Нет. Манекенщицей.

– Да? – Я неприятно удивлен, но никакого раздражения не ощущаю.

Снимаю с руки швейцарские часы «Филипп Патек», протягиваю врачу.

– Бери! Подарок! Тебе.

Он поражен. Смотрит испуганно мне в глаза, но часы берет.

– У меня еще сын есть от первого брака, – растерянно говорит он.

– Меня твой сын не интересует, – мягко останавливаю его лепетание. – Можешь идти!

Киев. 24 февраля 1985 года.

Дверь открыла круглолицая девушка-пышка в синем спортивном костюме. Глаза – синие-синие, губки толстые и смешливые.

– Вы к кому? – спросила.

Я постучал ботинками по бетону лестничной площадки, стряхивая налипший снег. Неспешно вытащил из кармана куртки конвертик.

– У меня для вас записка. От папы.

– Для меня? От папы? – Ее губы сложились в улыбку, только улыбка получилась немного придурковатая.

– Вас зовут Мира? – уточнил я на всякий случай.

– А-а! – протянула пышка и, развернувшись, махнула рукой в глубь длинного коридора. – Третья дверь налево!

«Ну и слава богу», – подумал я, заходя в коммуналку.

Мира оказалась симпатичней, чем я ожидал. И нос не горбатый. Глаза – темные, цыганские. Фигурка ничего – есть за что рукой взяться.

Прочитав записку, она забеспокоилась. Спросила о Давиде Исааковиче, о его здоровье и настроении. Потом стала угощать меня чаем.

Стены большой комнаты, в которой она жила с матерью, были завешаны множеством старых фотопортретов в дере-

вянных рамках. Две железные кровати были аккуратно застелены и украшены взбитыми подушками. И телевизор на тумбочке был покрыт кружевной салфеткой, поверх которой стояла хрустальная ваза с искусственными цветами. Все чистенько и аккуратно.

– Вы музыку любите? – спросила она.

– Очень.

– Мы с мамой в Оперном театре работаем. Если хотите, можем сегодня туда вместе пойти. Мне как раз через полчаса на работу.

Я охотно согласился.

Под ногами хрустел снег. Мы поднимались с Саксаганского по Владимирской вверх. Шли молча. Я на ходу поглядывал на ее серые валенки с черными галошами. А я-то думал, что в городе уже валенки не носят!

– Я в магазин на минутку! – сказала Мира, когда мы поднялись к Дому Морозова. – Надо сыра и колбасы на бутерброды купить, а то если покупать их в буфете – дорогие получаются!

Я кивнул. Мира исчезла в гастрономе. Снег падал на мой нос. Темнело прямо на глазах, и по белому снежному сумраку ползли желтые пятна автомобильных фар. Вечер наступал в четыре пополудни. До Оперного – десять минут ходу. Только что мне там делать до семи, когда начнется спектакль?

Мои размышления прервала Мира, вынырнувшая из дверей гастронома.

В театр зашли со служебного хода. Старик-вахтер равнодушно провел по мне взглядом и ответил кивком на «добрый вечер».

Лариса Вадимовна, мама Миры, встретила меня настороженно, но, прочитав записку, переданную ей Мирой, тепло улыбнулась.

Она стояла над гладильной доской, держа в сильной руке тяжелый утюг. На доске блестел изумрудный бархат королевского, должно быть, костюма. Воздух был пропитан нафталином.

Утюг опустился на железную подставку легко, как перышко.

«Интересно, она легко проходит в двери?» – думал я, глядя на могучую, крупную женщину в черной юбке-шатре и бордовой блузке с закатанными до локтя рукавами.

– Мирочка, покажи гостю театр! – произнесла она немного отвлеченно, снова опуская взгляд на записку, зажатую в левой руке.

Экскурсия по Опере закончилась на самом чердаке, куда поднимались мы по приставным деревянным лестницам. Полумрак вдруг отпрянул в сторону, когда Мира чиркнула спичкой. Огонек опустился, дотронулся до фитилька свечки, и перед моим взглядом открылась тайная комната – журнальный столик с пустыми стаканами и чашками, старый продавленный диван, обрезок ковра на полу и старые ободранные афиши, свисающие с деревянных чердачных пере-

городок.

– Здесь актеры устраивают тайные свидания, – прошептала Мира, и в голосе ее вдруг прозвучало столько нежности и романтики, что я не удержался и потянулся к ней.

Несмотря на продавленность, диван почти не скрипел. Мне было холодно, хотя с себя я стянул только майку и свитер, а с Миры – жилетку, кофту, блузку с длинной майкой и лифчик щедрого размера. Валенки так и остались на ней, правда, галоши она с них сняла раньше, в костюмерной.

Мои руки словно тонули в ее теле, которое совершенно не сопротивлялось моему напору. Мои руки проваливались в ее мягкую грудь. Ее губы показались мне тоже безвольными и мягкими. Только когда где-то недалеко раздался шум, я ощутил ее. Она уперлась ручками в мои плечи и надавила на них, пытаясь отстранить меня от себя.

– Подожди! – шикнул я в ответ, ускоряя ритм своего тела.

– Кто-то идет! – Ее шепот выдохнул на меня знакомый запах мяты.

«Зубной эликсир!» – вспомнил я.

Потом, подняв с обреза ковра одежду и задув свечу, мы спрятались за какую-то перегородку и, дрожа от холода, прижимаясь друг к другу, чтобы согреться, наблюдали, затаив дыхание, за свиданием другой пары. Женщина казалась мне удивительно красивой. При свете вновь зажженной свечи ее гордый профиль возбуждал меня сильнее, чем мягкая, теплая грудь Миры, которую я, как голубку, держал на своей

ладони.

Их свидание было достаточно коротким и бессловесным, и только благодаря этому мы не простудились.

– Это солисты балета, – с гордостью прошептала в полной темноте Мира, когда любовники уже спускались вниз по приставным лестницам. – Ты видел, как он ее брал сзади?

– Нет, – признался я.

Мы вернулись на диван. В воздухе носился новый неприятный запах. Я пытался отвлечься от него, но он догонял меня даже тогда, когда я загонял свое тело в ритм отбойного молотка. Только когда безвольно опустился на мягкое и податливое тело Миры, понял, что это был запах пота. Но тогда это был запах чужого пота, а теперь он смешался с запахом моего.

Ну а балет «Спартак» мне не понравился.

Киев. Март 2004 года.

Черт бы побрал эту зиму! Нет, неправда! Шампанское к завтраку в пятизвездочном швейцарском отеле – это тоже нынешняя зима. Всего лишь три недели назад! Но теперь, когда снежная крошка летит в лицо, я чертыхаюсь. А когда сижу в кабинете, когда секретарша Нилочка вносит поднос с чашечкой мокко, когда медленно нажимаю на кнопки телефона, вводя в него, словно секретный код, номер телефона Светы Виленской, в эти моменты я думаю, что Бог над этой зимой славно поработал. Ему бы за такую зиму повышение или золотую акцию какого-нибудь трубопрокатного завода-гиганта!

– Алло, ты где? – спрашиваю я Светлану.

– В машине. В салон еду.

– Будешь красивой?

– А что, вчера не была?!

Я смеюсь. Как не умел я раньше разговаривать с женщинами, так и теперь не умею. Единственное отличие – сейчас мне из-за этого не стыдно.

Хотя вчера утром, когда мы вместе проснулись у меня дома, Света все-таки умудрилась меня озадачить.

– Ты знаешь, а мы ведь до сих пор не говорили друг о друге, – произнесла она удивленно, словно эта мысль пришла

в ее умную головку внезапно.

– Да?! – только и выдавил я из себя. Потом пять минут молчал, искал объяснения.

– Наверно, мы были заняты, мы беспокоились о Димке и Вале, – предположил я.

– Это тоже, – кивнула она. – А я сначала думала, что тебя Валя интересуется, а не я.

– Ну что ты! Конечно, ты, – признался я и понял, что в этот момент я сам себя предал.

Но она не обратила внимания на мои слова. Поднялась. Подошла к окну, отдернула гардину.

Стояла красиво, неподвижно. Ее тело словно само просилось в руки. Своей красотой в мои руки. Хотелось взять ее за талию, поднять аккуратно над собой и показать всему миру. Похвастаться.

Она вдруг обернулась, посмотрела на меня задумчиво.

– Кажется, у меня будет ребенок, – произнесла она негромко.

– У тебя? – переспросил я.

Она потрогала правой рукой свою левую грудь. Приподняла ее, развернув аккуратно розовым соском вверх, приоткрылась к соску.

Я представил ее такой же обнаженной, но с младенцем на руках. Получилось красиво.

– У тебя же еще не было детей? – спросил я.

– Не было, – кивнула она.

– А как дела с медом?

Она бросила на меня удивленный взгляд. Я и сам услышал, насколько глупо прозвучал мой вопрос. Меня подвело подсознательное желание сменить тему разговора.

– Мед?! Мед я еще в январе допродала. Сейчас – каникулы.

– Римские каникулы, – проговорил я усмехаясь. – Ты хочешь в Рим?

Она отрицательно мотнула головой.

– Я еще не знаю, чего я хочу, – прошептала она.

«Надо купить ей дорогой подарок», – подумал я в ответ на ее шепот.

Киев. Июль 2015 года.

Когда спишь в одиночку на по-королевски широкой двуспальной кровати, снится одно и то же. Снится, что спишь вдвоем. Да и не спишь, а клубишься, переворачиваешь и переворачиваешься. И уж лучше бы ничего не снилось, потому что финал таких снов однообразен и грустен. Сколько ни оплодотворяй кулак или простынь, тебя больше не станет, не повеселеешь, не осчастливишься.

И смутные, неприятные мысли поползут медленно к затылку, как упавшие с яблони гусеницы. И будешь ты их думать, будешь представлять себе каких-то женщин, государственных домработниц, снимающих с кровати эти простыни. А дальше захочется выпить коньяка, чтобы сбиться с мысли. Чтобы не представлять себе дальше. Ну и что с того, что ты президент. Ты же от этого не стал импотентом, родина тебе не заменила женщину!

Осторожный, но настойчивый стук в дверь спальни все-таки проник в мой сон. Открывая глаза, я провел ладонью по простыни под одеялом – сухая. Значит, приснилось!

– Господин президент! – Шепот помощника пролетает мотыльком в щелочку приоткрытой двери. – Проснитесь!

– Что такое?

– Министр внутренних дел ждет, генерал Филин! Волну-

ется! ЧП!

– Дай ему кофе.

Набрасываю халат. Стою несколько секунд над кроватью, и мысли мои опять-таки, уже без всякого сна, переключаются на вечную тему.

Поднимаю глаза и смотрю на стены спальни. Где-то там, за стеной, на которой висит лесной пейзаж работы Шишкина, спит эта, как ее, Майя Войцеховская.

Выхожу в гостиную, останавливаюсь у окна.

Из-за моей спины доносится покашливание милицейского министра. У него вечный бронхит – курит, как труба крематория!

– Ну? – Я упираюсь взглядом прямо в его глаза.

– Господин президент... даже не знаю, как доложить! Похищены высшие чины Запорожской госадминистрации. Заранее спланированная акция. Но кому это нужно? Если б один-два, а то сразу тринадцать человек. Да, и одна из окна выпрыгнула – насмерть.

– Кто?

– Калиновская. Зам по финансам.

– Дальше?

– Я уже дал приказ отправить лучшую бригаду следователей. Город блокировали, но никаких следов.

– Хорошо, будешь держать меня в курсе. Следующий доклад в восемь утра!

– У вас железные нервы! – говорит министр и уходит.

У меня все железное, думаю я, уже не скрывая усмешки. Спать мне больше не хочется. Помощник неподвижно, как столб, стоит в проеме двойной двери, ведущей в коридор.

– Машину, – говорю я ему. – Только попроще! И холодного шампанского!

Через полчаса черная «ауди» с сонным шофером подвозит меня к центральному входу в ночной клуб «Икс». Охрана клуба попыталась подойти к машине, но невзрачные люди из другой, моей, охраны их быстро остановили. И я мог наблюдать за уставшими красивыми и просто волевыми лицами расходившихся посетителей. Я смотрел,пил холодное «Мускатное игристое» из Нового Света и думал о грядущих поколениях.

В шесть утра в окошко машины постучали. Я был готов послать Колю Львовича очень далеко, но это был не он. Это был генерал Светлов.

– Наши подопечные пересекли украино-российскую границу, – сказал он. – Для них построен санаторий в Уральских горах.

– Садись! – Я опустил ладонь на мягкую черную кожу заднего сиденья рядом с собой. – Отметим?

Светлов устало кивнул.

Его простой трудовой кивок был как нельзя кстати. Ни одно слово не смогло бы его заменить.

Светлов не любил шампанского. Я это знал и решил его уважить.

– Скажи, Валера, ты когда-нибудь любил по-настоящему? – спросил я, уже когда мы оба держали рюмки с «Хэн-несси» на весу.

– Женщину?

– Да.

– Хотел. Она не разрешила.

– Дура! – вырвалось у меня. – Извини, конечно.

– Да нет! – удивительно спокойно произнес Светлов. – Вы, господин президент, действительно правы. Дура! Женщина ведь любит редко, чаще она выбирает из тех, кто любит ее. Тогда за ней ухаживал один бизнесмен. Он был выше меня на полторы головы. Его убил рэкет.

Я покивал.

Мы выпили.

– Ты когда-нибудь женишься? – спросил я.

– Я женат. У меня двое взрослых детей. Но это всего лишь «семейное положение».

Я был польщен. Светлов бы этого не понял. Но то, что он говорил со мной как равный, меня не просто успокаивало, а уравнивало с людьми, твердо уверенными в правоте своих взглядов, симпатий и мыслей. В себе я в эту ночь и наступавшее утро уверен не был. Я прятался за тонированным стеклом автомобиля. Я был инкогнито. Я избегал красивой незнакомости жизни.

Киев. 27 февраля 1985 года.

Морозный ветер обжигал лицо, и я уже не знал, как и чем от него защититься. Шапка-ушанка из крашеного кролика была надвинута на брови, ее уши я давно завязал под подбородком. Шею замотал мохеровым колючим шарфом и воротник на овчинном кожухе поднял. Но теплее мне не становилось. Труханов остров, к которому я приближался по пешеходному мосту, словно отталкивал меня, пытался остановить. Но я думал о старике, о том, что он там один в своей землянке, о том, что у него могли кончиться дрова. Я, конечно, никаких дров ему не нес. В спортивной сумке, болтавшейся на плече, лежала кое-какая еда и две бутылки портвейна. Сумка была увесистая, но морозный ветер легко приподнимал ее, толкал за спину.

Еду старику купила Мира, и именно она попросила меня к нему сходить. Сама идти отказалась, и теперь я ее очень хорошо понимал. Но я был упрямее этого морозного ветра, и чем больше он сопротивлялся мне, тем больше я сопротивлялся ему.

Потом мои сапоги вязли в глубоком снегу, но и это меня не останавливало.

Ранние зимние сумерки сгущались. Небо наклонялось все ниже и ниже. Нависало, как пьяный богатырь, не способный

больше стоять на ногах. И рухнуло оно всей своей темнотой быстро, в считанные минуты. Но я уже видел землянку старика, я видел за ее маленьким окошком огонек свечи.

– Ну ты прям как Павлик Морозов! – радостным возгласом встретил меня старик.

– Чего? – удивился я. – Он же отца предал!

– Ну тогда не Морозов, а Володя Дубинин. Герой, одним словом! В такую непогоду сюда пришел!.. Я тебя отблагодарю!

Он полез в тумбочку, достал початую бутылку «Московской».

Я тем временем выложил из сумки продукты и свой портвейн.

– Барство какое! – развел руками Давид Исаакович. – Что за повод, молодой человек? Вы женитесь?

– Нет, это Мира передала!

– Хорошая у меня дочка!

Я кивнул, вспоминая Оперный театр.

– Хорошая, – повторил он. – Но лучше ты на ней не женись!

– Почему?

– Потолстеешь, станешь ленивым и в лучшем случае выбьешься в средние портные! Она вся в маму. Ей не понятно, что у мужчины душа всегда в полете! Женщина – аэродром, мужчина – планер. Она должна его ждать, но не должна запрещать летать. Понимаешь?

– Да. И куда вы летали? – поинтересовался я.

– Это я образно. Я летал к другим женщинам. Не одной ей хочется счастья! А впрочем, нет, ты послушай! – И он внезапно замолчал, подняв на уровень моих глаз указательный палец.

За окошком завывала настоящая метель.

– Вот, – многозначительно выдохнул старик. – Это и есть самая нелетная погода! Время укрепления семьи перед весной. Но это все так, прошлое. Приходит время других ценностей, и тогда уже ищешь не красоток с накрученными на бигуди кудряшками, а однодумцев, соратников. Знаешь, через пару дней ко мне придут друзья. И ты приходи! Узнаешь, что не обо всем пишет газета «Правда». Есть и другая жизнь!

Киев. Март 2004 года.

Я два дня готовился к этому разговору. К разговору друг о друге. При этом никаких вопросов у меня к Свете не имелось. Зато два дня представлял я себе, какие вопросы она может задать мне. О моей жизни, о моих мыслях, о моих родственниках и друзьях. Я задавал их себе от ее имени и медленно подбирал ответы, определяя, насколько полными и правдивыми они должны быть. Нет, я не собирался врать – смешно человеку в моем возрасте и при моем статусе сочинять новые версии вместо старых. Но так же было смешно и мое волнительное ожидание сегодняшнего вечера.

Эти размышления отвлекали от службы, и, чтобы не натворить каких-нибудь глупостей, я попросил Нилочку перенести назначенные встречи с нашими «белыми» и «серыми» бизнесменами на следующую неделю. А под конец рабочего дня я попросил секретаршу сварить две чашки кофе и составить мне компанию.

Она залетела еще более воздушной походкой, чем обычно. Мы уселись за приставной столик для посетителей друг против друга.

Одетая в строгого покроя, но игривой зеленоватой расцветки костюмчик, состоявший из обтягивающей юбочки до колен и приталенного жакетика, под которым виднелась бе-

ленькая блузка, Нила была похожа на неуверенную в себе начинающую актрису. Хотя в «неуверенность в себе» она явно играла. Иначе не смогла бы она так легко, с очаровательной улыбкой покрашенных розовой помадой губок отправлять подальше тех посетителей, которых я не хотел видеть.

– Ой, я забыла сахар! – воскликнула она, глядя на свою чашку.

Вскочила легко, почти беззвучно. Выбежала.

– Вам же одну? – Ее рука с ложечкой сахара зависла над моей чашкой.

– Чуть-чуть меньше, – сказал я.

Она струсила верхушку сахарной горки обратно в сахарницу. Остальное опустила в мой кофе и размешала.

– Как ты думаешь, что можно подарить красивой женщине? – спросил я.

Нилочка задумалась, затаив на личике улыбку.

– У вас с ней близкие отношения?

Странно, но я не услышал в этом вопросе попытки вмешиваться в мою личную жизнь.

– Да.

– А коньяк у вас есть?

– Она не пьет коньяк.

– Нет, не для нее, – смутилась Нила. – Сейчас, к кофе. У меня есть, но обычный...

Я достал бутылку «Хэннесси» и коньячные бокалы. Налил.

Нила пригубила. Посмотрела на часы.

– Вы ведь сегодня никого больше не ждете?

– Ты же всех перенесла?

– Да, конечно. Как вы сказали! Я сейчас.

Она опять вышла.

Я чередовал вкус коньяка со вкусом кофе. Думал о Светлане. Вокруг разливалась непривычная для министерства тишина. И я забыл, что нахожусь на службе, на скучной службе, смысл которой заключался в придании бумагам различной скорости. Словно в компьютерной игре я какие-то бумаги двигал, и они попадали, как бильярдные шары в лузу, на последнюю утвердительную подпись моему шефу, другие «случайно» терялись, «исходили» навсегда, но в неизвестном направлении. Найти их было невозможно. Да их и не искали. Эта служба была тоскливой и выгодной. Мне хорошо оплачивали мою тоску по настоящей жизни.

Нила снова появилась в кабинете. Я только заметил, что с ее ножек исчезли колготки.

– Лучший подарок любимой женщине – это белье, – прошептала она.

Потом игриво обернулась, словно проверяя, нет ли случайных свидетелей, и сбросила свой костюмчик, оставшись в действительно красивом белье красного цвета. Это белье делало ее удивительно соблазнительной. Я схватился за свой коньячный бокал, как за спасительный круг.

Она повернулась боком, изогнулась, откинув свои

недлинные каштановые волосы назад. Потом повернулась ко мне спиной и нагнулась, коснулась кончиками пальцев пола. Снова повернулась лицом ко мне.

– Красивое? – Она спросила, показывая взглядом на свои трусики.

– Да, – выдохнул я негромко и оглянулся по сторонам. – Ты хоть дверь закрыла?

– Конечно, – прошептала она. – Я хотела вам кое-что рассказать.

– Рассказывай!

– Меня о вас спрашивали...

– Кто?

– Догмазов с еще двумя.

– И что же их интересовало?

– Не приходят ли к вам женщины, не закрываетесь ли вы с кем-нибудь тут, не много ли пьете. Какие у вас привычки, какие журналы читаете, с кем просите не соединять, кого принимаете без предварительной записи. Я думаю, вы скоро отсюда уйдете.

– Ты думаешь?

Она кивнула, и на ее личике нарисовалось искреннее беспокойство.

– Я боюсь, что они под вас копают.

– А почему ты боишься?

– Мне с вами хорошо. Вы вежливый, никогда не кричите. Не заставляете ничего такого делать.

– А другие заставляют?

– Иван Семенович, который перед вами был, заставлял.

Почти каждый вечер.

Мне вдруг стало жаль Нилу. Она такая хрупкая, беззащитная в этих красных трусиках и лифчике. Почему она разделилась? Ах да, я спросил о подарке для любимой женщины.

– Можно мне еще коньяка?

Я налил ей. Она присела за стол. В ее зеленых глазках заблестели слезы.

– Что с тобой? – Моя рука потянулась к ее голове. Я погладил ее по волосам.

– Вот вы ей подарите красивое белье, – всхлипывая, сказала она, коньячный бокал дрожал в ее руке, – а я себе сама покупаю. Вы знаете, какая у меня зарплата?

Я отрицательно мотнул головой. Меня не интересовали чужие зарплаты.

– Двести гривень.

– Что? – вырвалось у меня. – И ты живешь на двести гривень?

Она отрицательно замотала головой.

– Нет, я же живу с родителями. Они помогают.

– С родителями? – удивился я.

Нилочка кивнула, и в ее глазах появилась нежная жалость к самой себе.

Я поднялся, открыл ящик своего стола. Взял наугад один из заклеенных конвертов. Пальцами прощупал его плот-

ность: пару тысяч долларов там наверняка было. Достал, протянул ей.

– Возьми, купи себе что хочешь и считай это моим подарком!

– А вы ее сильно любите? – спросила она вдруг.

– Наверно, – ответил я, не желая ее огорчать.

– Я вам всегда буду обо всем рассказывать! – пообещала она и пригубила коньяк. – Если вы будете хорошо ко мне относиться. У меня тоже все есть для счастья. – При этом она сняла лифчик и посмотрела сверху вниз на свою небольшую упругую грудь. – Только счастья нет.

Львовская область. Старый Самбор. Август 2015 года.

«Я, вступаючи до громадянства України, клянусь щиро любити свою Вітчизну, захищати її суспільні та політичні інтереси, докладати усіх зусиль, щоб моя країна розвивалась і міцніла, щоб повага до неї в усьому світі зростала, щоб авторитет України невинно збільшувався. Я обіцяю виконувати всі свої обов'язки громадянина, чесно сплачувати податки...»

Несмотря на праздничное убранство собора и великолепную акустику, что-то в этой церемонии мне казалось искусственным. И даже не то, что все эти застрявшие в стране нелегалы из Индии, Бангладеш и Афганистана старательно читали вслух Клятву Гражданина. Некоторые из них были нарочито одеты в вышитые сорочки, подчеркивая свое уважение к стране, из-за очевидной безвыходности ситуации принимавшей их в свои граждане. Тут и церковная громада запела псалмы. И батюшка в праздничном одеянии забубнил что-то баритоном. И чиновник Львовской обладминистрации вышел вперед со своей секретаршей, державшей в руке пачку новеньких паспортов.

– Ахмед Захир Шах, – прочитал из первого взятого у секретарши паспорта чиновник. И провел взглядом по всем Ахмедам, выстроившимся в длинную шеренгу.

Вручение паспортов напомнило мне вручение аттестатов зрелости в советской школе.

– Мыкола! – окликнул я негромко вице-премьера, уговорившего меня прилететь на эту церемонию.

– Слухаю, пане президент!

– Кто слова писал?

– Співак наш, Василь Казанський. Народний артист України.

– А тебе не кажется, что у нас многие занимаются не своим делом? Почему певец должен писать текст государственной клятвы?

– Бо він справжній патріот і дуже хотів внести свій вклад...

– Погоди, Мыкола, патриот – это профессия?

– Ні.

– Призвание?

– Ні. Це стан душі, це коли людина вболіва.

– Хватит! Чтоб этот текст сегодня звучал в первый и последний раз! Понял? Или пиши сам, или найди патриота среди писателей!

Вице-премьер тяжело вздохнул, но остался стоять рядом. А я перевел взгляд на горящие букеты тоненьких свечек. Запах воска приятно ласкал ноздри. Церковное пение вознеслось под купол храма и оттуда опускалось невесомым золотым дождем.

Я снова обернулся к вице-премьеру.

– А архиепископ не был против того, чтобы выдавать в храме паспорта иноверцам?

– Вони прийняли крещення, це ж була одна з умов українського громадянства.

– А какие там еще были условия?

– Складання іспитів з української мови і написання українською своєї біографії.

– А кто подписывал этот указ?

– Ви! Я відправляв його до вас, а мені вже повернули з підписом.

– Передашь мне его почитать! Один из нас в момент его подписания был болен.

– Це ж ви, – искренне вырвалось у вице-премьера. – Ви ж хворіли.

А чиновник продолжал вызывать к себе самых новых украинцев. Они подходили, смиренно склонив голову. Как положено в церкви. Брала паспорта и возвращались в строй.

«Нашего полку прибыло», – подумал я и вздохнул.

И ощутил внутри некоторое неудобство. Словно сердцу моему стало в груди тесновато.

Уже выходя на улицу, заметил хищные объективы трех кинокамер. Все главные каналы страны сегодня же вечером дадут это в эфир! Чем это грозит?

Свежий, подогретый уставшим летним солнцем воздух дотронулся до моего лица нежно, по-женски. Мне на самом деле совершенно не хотелось думать об этой церемонии, о

ее трансляции на Первом Национальном и о реакции, которая наверняка не заставит себя ждать. Украинский православный Ахмед Захир Шах – над этим в лучшем случае беззлобно посмеются. Хуже будет, если этот указ вынырнет в какой-нибудь газетенке как выстрел стартового пистолета. Стрелять-то наверняка будут по мне!..

Киев. 1 марта 1985 года.

Утром мама повезла брата Димку к очередному профессору-психиатру. А я надел белую рубашку, поглаженные брюки, теплый свитер. А дальше уже укутался как мог для сопротивления морозу, потому что февральская погода плавно перешла в мартовскую, не потеряв по дороге ни одного градуса Цельсия.

Я знал, что есть люди, которым хочется жить по-другому, которые не одобряют и не приветствуют политику партии. Я слышал, что они собираются ночами на кухнях и рассказывают политические анекдоты. Я даже слышал эти анекдоты, но особенно смешными они мне не показались. Но представить себе, что старик, у которого в землянке даже кухни нет, тоже один из них, я не мог. Тем не менее, мне было интересно. И я снова отправился на Труханов к Давиду Исааковичу.

Ветра не было. Мост стоял неподвижно, покрытый снежной коркой, трещавшей под ногами. Этот мост всегда вызывал у меня удивление и уважение своим зимним одиночеством. Вот и сейчас я смотрел под ноги, пытаюсь увидеть свежие следы. Но корка была сплошной. Может, на этот остров можно попасть другим, тайным путем. И именно другим путем придут туда к Давиду Исааковичу люди на какую-то встречу?

Люди действительно пришли другим путем и раньше меня. В землянке было теплее обычного, а на столе вместо портвейна стояли три стеклянные бутылки кефира. На кровати старика сидел бородатый мужик основательного вида с крупным носом. Возрастом он был не стар, но явно напускал на себя излишнюю важность. На табуретке справа, закинув ногу на ногу, устроился худой мужчина с орлиным носом и намечавшейся лысиной. Даже синий шерстяной спортивный костюм с белыми лампасами не мог скрыть того факта, что никакого отношения к спорту этот человек не имел. Третий гость был невысокий и кругленький, с улыбочивым лицом, с румянцем на щеках.

– Это Сережа, – представил меня старик. – Я вам о нем рассказывал.

– Отец Василий. – Давид Исаакович показал уважительно на бородатого. Остальных представил попроще: Илья и Федя.

Я присел на табурет и приготовился слушать какую-нибудь умную беседу.

Но вместо этого Давид Исаакович вытащил из-под кровати пачку вафельных полотенец и аккуратно опустил ее на стол рядом с кефиром.

– Ну, с Богом, – пробасил отец Василий и стал раздеваться. Его примеру последовали остальные.

– Ну а ты что? – спросил меня старик.

– А чего это? – Я кивнул на раздевающихся. В моем мозгу

заметался страх. Представилось мне, что сейчас надо мной совершится мужское насилие, о котором я время от времени слышал.

– Давай-давай! – поторапливал меня старик. – Надо спешить.

– Куда?

– К полынье! Я ее утром прочистил. Если опять затянет льдом – поцарапаемся!

«А-а! – мысленно выдохнул я с облегчением. – Значит, моржи, а не гомики!»

И пошли мы босиком по снегу один за другим, держа в руках по полотенцу. Я шел последним и со странным чувством смотрел на белеющие, подрагивающие на ходу мужские задницы. Казались они мне удивительно уязвимыми. И таким же себе казался я весь. Вместе с холодом в меня пробирался новый страх, страх перед холодной водой.

– Крещение на пьяную голову не принимают, – сказал мне на краю полыньи отец Василий.

Сказал и легонько толкнул рукой. И полетел я в обжигающий холод. Искры воды замелькали перед глазами, впились в кожу. Я заколотил руками по месиву из воды и льда, оглянулся. Встретился взглядом со стариком, стоящим голой синеватой мумией на краю проруби.

– Под воду не ныряй, а то течением под лед унесет! – сказал он.

А я уже карабкался наверх, запрыгивал на лед, пытался

отжаться, но лед ломался, царапая мне руки. И уже выбравшись, я наконец заметил глубокую царапину на правом локте.

Старик подал мне полотенце. Мое тело, натертое наждачно-вафельным полотенцем, покраснело. Но ощущение холода потихоньку ушло. А взамен в теле возникла вялость, а в голове – безразличие.

Отец Василий повесил мне на шею серебряный крестик.
– Спасение твое было чудом Божьим, – сказал он, бросив взгляд на старика. – А теперь и сам ты стал рабом Божьим. Благослови тебя Господь.

Окунулись затем в проруби и остальные. Притом дольше всех бултыхался в воде старик. Кряхтел, охал, ахал.

– Мне эт полезно! – приговаривал он. – Мне эт как помидорам консервация! Жизнь продляет!

Мое подозрение о начале здорового образа жизни не оправдалось. Вернувшись в землянку, первым делом все выпили по стопке водки «Во славу Божию». Давид Исаакович запил водку кефиром, а остальные не запивали.

– Вы теперь про политику будете говорить? – спросил я за столом.

Посмотрели на меня странно.

– Про политику пусть черви земные говорят, – произнес отец Василий. – Мы будем о жизни беседовать. Потому что жизнь – это любовь!

Киев. Март 2004 года.

Всю ночь под моим окном выли коты. Может, будь это собаки, их вой не дал бы мне выспаться. Но кошачье пение просто навевало в мою дрему конкретные мысли, и я легко, словно невзначай, гонял эти мысли из одного края своего подсознания в другой.

А утром, когда моя итальянская кофеварка зашипела, впрыскивая в кухонный воздух аромат арабики, позвонила Света.

– У меня новости, – очень серьезно произнесла она.

Я приготовился к деловому разговору, думая, что речь пойдет о дальнейшей оплате счетов из швейцарской клиники для Димы и Вали.

– Я сходила на УЗИ. – Она выдержала паузу. Достаточную, чтобы я полностью переключился на ее новости, которые, кажется, становились теперь и моими новостями. – У меня двойня...

Опять она сказала «у меня»! Я скривил губы. Неужели ей так нравится подчеркивать свою независимость от меня? Или независимость этой двойни от меня?

– Поздравляю! – прошептал я в трубку. – Отметим?

– Это еще не все. – Ее голос прошелестел мягким шелком. – Валя тоже ждет ребенка.

– Кто?

– Дима и Валя, твой брат и моя сестра.

– Вечером в семь подойдет? – Во рту у меня внезапно стало сухо, и я перешел на шепот. – В «Дежа вю».

Она согласилась.

К вечеру закапал дождик, и мостовая перед Оперным театром заблестела черным перламутром мокрых булыжников. Шофера я отпустил домой. Мне всегда было неприятно осознавать, что пока я где-то получаю удовольствие, он сидит в машине и в лучшем случае читает Дарью Донцову. Конечно, неписанные правила обязывают водил служебных BMW и «мерсов» кататься по принципу «куда пошлют» и ждать под рестораном или клубом хоть до утра. Но что мне до неписанных правил? Я выполняю только те из них, которые меня устраивают.

– Она тебе звонила? – спросил я, присев за столик и поцеловав Свету в губы вместо приветствия.

– Да. И знаешь, у нас одинаковый срок беременности.

– Значит, – улыбнулся я, – значит, ты и она зачали в одну ночь, в ночь после свадьбы.

Света кивнула.

Официант принес бутылку «Moet» и два бокала.

Мое настроение улучшилось мгновенно. Если Света сама, придя немного раньше, решила, что мы будем пить, значит, опасаться ее плохого настроения не стоило.

– У тебя красивые кораллы! – Я обратил внимание на бу-

сы, на бордовую кофточку, на колечко с маленьким бриллиантом на среднем пальце правой руки. Света всегда одевалась в зависимости от настроения. Сегодня она любила себя и мир.

Я вытащил из кармана пиджака маленький сверточек в яркой подарочной упаковке. Еще раз удивился, насколько эфемерно и невесомо нынешнее модное женское белье. Эти трусики цвета изумруда точно весили меньше, чем упаковочная бумага.

– Это тебе!

Она взяла невесомый прямоугольничек на ладонь. Улыбнулась хитро – видимо, догадалась. Спрятала в сумочку. Подняла бокал.

– За тебя! И за двойняшек! – негромко пропел я, подняв свой бокал навстречу ее бокалу.

Брют оказался слишком изысканного вкуса. Это был как раз тот случай, когда по крайней мере ценой бутылка шампанского полностью отвечала поводу нашей встречи. А вот что касается вкуса – увы. Мой вкус не был настолько аристократичен, хоть я и научился обманывать всех, да и самого себя, поедая дорогую и изысканную снедь и попивая такие же напитки с деланой миной сверхудовольствия на лице.

– Извини за банальный вопрос, – Светлана уставилась мне в глаза. – Ты не потомок писателя Бунина?

Я усмехнулся.

– Нет. Эту фамилию дал отцу директор детского дома в

Сибири. Отец попал под бомбежку в поезде. Их везли в эвакуацию. Родители погибли, документы никто не искал. Ничейного, безымянного мальчишку отправили в детдом, а там директором был бывший учитель литературы. У отца среди друзей-детдомовцев были и Горький, и Островский.

– Красивая история. – Задумчивая улыбка добавила взгляду Светланы доброты.

– У меня много красивых историй, – кивнул я. – А вот самая красивая, пожалуй, это недавно в Лейкербаде.

Моя рука, поигрывая пальцами, дотянулась до ее руки. Наши пальцы соприкоснулись.

– Переезжай ко мне! – Я наклонил голову и попробовал сделать свой взгляд покорным и просящим.

– Давай немного подождем. – Светлана отняла свою руку и снова подняла бокал.

– По тебе не видно, что ты любишь детей! – сказала она.

– По тебе не видно, что ты любишь мед. Да и по мне многого не видно. Но детей я люблю.

– Давай выпьем за Валю и Диму! – Она на мгновение опустила взгляд на отпечаток губной помады на краешке бокала. – Мне кажется, только они могут быть по-настоящему счастливыми.

Дождь прекратился в тот момент, когда мы вышли на улицу. Было уже совсем темно. Мимо мелькали желтые фары машин. Я поднял руку, и одна пара фар, как верный пес, остановилась прямо перед нами.

– Ой, я забыла зонтик! – воскликнула Света, когда машина уже подъезжала к моему дому.

Я достал мобильный и, узнав по 09 номер ресторана, позвонил и попросил отыскать этот зонтик и оставить его в гардеробе. Зонтик нашли сразу, и эта пустяшная удача только добавила Светлане хорошего настроения.

Киев. 1 сентября 2015 года.

– Это вы отлично сказали, – тараторит Коля Львович. –

Учиться, учиться и учиться!

– Это не я, это Ленин сказал.

– Неважно, о Ленине давно забыли! Зато сегодня все школьники Украины будут только об учебе думать!

Мы с главой моей администрации возвращаемся с праздника Первого звонка. Школа как раз напротив моего дома, на углу Владимирской и Десятинной. Телекамеры вели прямую трансляцию. А я сказал пару слов, взял в руку колокольчик на палочке и позвонил. Теперь – на Банковую.

– Что там сейчас? – спрашиваю у Коли Львовича.

– Доклад Филина об обстановке в стране, в том числе и по делу Запорожской обладминистрации...

– Что, еще не нашли? – спрашиваю, с трудом сдерживая улыбку.

– Нет. – Лицо у Коли Львовича тут же делается мрачно-озабоченным. – Все перерыли. Все водоемы в области проверили.

– Ладно. – Я останавливаю его волнение. – Дальше?

– В четырнадцать ноль-ноль медосмотр и массаж. В пятнадцать сорок встреча с солисткой Национальной оперы. Потом закрытое заседание Кабмина.

Дальше едем молча. Сегодня опять наверняка прибежит начальник охраны полковник Потапенко и будет стонать: «Почему выезжали без кортежа, без мотоциклистов?» Ну и хер с ним! Меня сейчас заботит только одно: как бы министра внутренних дел Филина заставить доложить об обстановке в стране в очень сокращенной форме и без подробного перечисления успехов в борьбе с коррупцией в рядах милицейского министерства. Меня эти цифры уже начинают раздражать. «Восемьдесят тысяч триста сорок три сотрудника уволены, тридцать пять тысяч привлечены к административной и уголовной ответственности». Сколько же там работает, если сто пятнадцать тысяч можно спокойно выбросить из милиции, и она, милиция, еще в состоянии что-то делать? И сколько у нас мест в зонах? Это тоже хороший вопрос! Его я Филину и задам!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.